

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему

«Лингвистическое исследование спорных текстов суицидального характера»

Студент

Р.С. Давыдова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

доктор филологических наук, доцент, И. А. Измestьева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Метод семантического анализа как способ понимания смысла текста.....	10
1.1 Способы представления смысла в тексте.....	10
1.2 Применение метода семантического анализа в лингвистической экспертизе	15
Глава 2 Семантический анализ художественных произведений суицидальной тематики	23
2.1 Произведения Ф.М. Достоевского как попытка осмысления проблемы суицида	23
2.2 Семантика слов «сердце», «сердиться» в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека»	28
2.3 Пути преодоления душевного разлада персонажей в произведениях Ф.М. Достоевского	30
Глава 3 Лингвистическая экспертиза текстов в рамках расследования преступления, связанного с доведением до самоубийства.....	40
3.1 Обзор научного осмысления проблемы подросткового суицида	40
3.2 Определение лингвистической экспертизы	43
3.3 Методологические основания лингвистической экспертизы текстов суицидального характера	44
3.4 Научно-методическая литература по судебной лингвистической экспертизе	52
3.5 Лингвистическая экспертиза спорного текста.....	55
Заключение	77
Список используемой литературы и используемых источников.....	79

Введение

Настоящее исследование посвящено проблеме осмысления подросткового суицида, который становится предметом пристального внимания со стороны правоохранительных органов, психологов, педагогов, лингвистов-экспертов. Развитие современного общества определяется рядом сложных социокультурных, политических и экономических явлений, одновременно с которыми происходит девальвация морально-нравственных ценностей, «расшатывание» устоев культуры, дезадаптация манипулируемой части общества в социуме. В связи с чем обостряется проблема суицида.

Обозначенная проблема рассматривалась в разных аспектах. С историко-философской точки зрения её осмысливали А. Ф. Кони «Самоубийство в законе и жизни» (1923), Н. А. Бердяев «О самоубийстве» (1931), Ю. М. Лотман «Смерть как проблема сюжета» (1994) и др. Ученые попытались понять цель суицидального поведения в истории развития человеческого общества., описать закономерности и формы его проявления.

С литературно-художественных позиций русские писатели [А. Н. Островский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов], И.А. Бунин и др. рассуждали о сущности добровольного ухода из жизни и давали этому поступку моральную оценку (как результат греха, преступления, влияния общества, героического поступка). Разрешить этот вопрос пытался и Ф. М. Достоевский, в творчестве которого теме самоубийства уделено пристальное внимание в произведениях «Преступление и наказание» (1866 г.), «Приговор» (1876 г.), «Кроткая» (1876 г.), «Именинник» (1877 г.), «Сон смешного человека» (1877 г.), «Братья Карамазовы» (1878 г.) и др.

Современная литература также подходит к вопросу о способах решения жизненных проблем. Тема самоубийства рассмотрена как «концепт русской литературы 1920-1930-х годов (Н. Эрдман, М. Булгаков, Е. Замятин, А. Платонов и др.)» [48]. Теме суицида посвящены научные исследования [65; 75; 1; 44].

В настоящем исследовании проблема суицида рассмотрена с позиций лингвистической экспертизы спорных текстов, которые оказались размещенными на сайтах «групп смерти» (привлекался материал в рамках следственных дел), рассматривались художественные произведения. Психология суицидального поведения была рассмотрена на примере произведений Ф. М. Достоевского.

Актуальность настоящего исследования определена тем, что в настоящее время возникла необходимость лингвистического анализа текстов, содержащий провокационную информацию, направленную на привлечения внимания, популяризацию, романтизацию и призыв к суициду несовершеннолетних.

Степень научной разработанности лингвистической экспертизы спорных текстов высокая. Теоретическими основаниями выступают труды ученых: М. В. Горбаневского, Т. В. Аверьяновой, А. Н. Баранова, Ю. А. Бельчикова, И. В. Жаркова, К. И. Бринева, М. А. Осадчего, М. А. Грачёва, Ф. С. Сафуанова, Т. Н. Секеража, И. А. Стернина, Е. Р. Россинской, а также Типовая методика лингвистической экспертизы (М., 2009).

Анализу текстов суицидального содержания посвящены работы авторов: Н. Ю. Дендоуми и Ю. П. Денисова, Е. А. Зориной и Л. Г. Агеевой, М. А. Ментюковой и М. М. Дубровиной, Г. А. Пантюхиной, К. В. Агамирова, М. Г. Зениной, П. В. Жестерова, К. А. Красновой и Д. И. Ережипалиева, Е. Н. Булычева и А. Ф. Ситдиковой, Н. В. Говорина и А. В. Сахарова, Н. Б. Пальчика, Д. В. Юркова, Е. Ю. Коноваловой, О. В. Маховой и др.

Для лингвиста-эксперта при рассмотрении спорного текста большое значение имеет семантический анализ лексических единиц. Значительный вклад в исследование семантики лексических единиц в синтагматическом и парадигматическом аспектах внесли О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, А. А. Будагов, Ф. П. Филин, С. Д. Кацнельсон, Д. Н. Шмелев, Ю. Н. Караулов,

В. Г. Гак, А. А. Уфимцева, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.

Объектом настоящего исследования выступило языковое основание текстов суицидального характера (спорные тексты, размещенные в сети интернета, а также художественные тексты Ф.М. Достоевского, которые анализировались с тем, чтобы понять социально-психологические причины суицида, возможных путей решения сложных жизненных вопросов, ставших причиной готовности к суициду).

Предметом настоящего исследования выступили языковые средства, репрезентирующие суицидальную тематику. Большое внимание в исследовании уделено причинам возникновения мыслей о самоубийстве. Эти причины были осмыслены Ф.М. Достоевским, в своих произведениях писатель указывает на пути выхода из суицидального состояния. Поэтому предметом анализа выступили и художественные произведения писателя.

Цель магистерской работы состоит в том, чтобы разработать методику лингвистического исследования спорных текстов суицидального характера, сосредоточив особое внимание на семантическом анализе лексем, входящих в тематическое поле «суицид», на лексико-грамматических конструкциях; а также проанализировать художественные произведения, посвященные проблеме суицида в творчестве Ф.М. Достоевского.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

а) обобщить точки зрения лингвистов по проблемам семантического анализа как способа понимания смысла текста, применения метода семантического анализа в лингвистической экспертизе;

б) рассмотреть произведения Ф.М. Достоевского в аспекте суицидальной тематики;

в) выявить способы организации семантического поля «суицид» на материале произведений Ф.М. Достоевского;

г) сделать обзор научного осмысления проблемы подросткового суицида;

д) показать методологические основания исследования спорных текстов суицидального характера.

Материалом исследования послужили спорные тексты, отнесенные по своему содержанию к текстам, которые представляли опасность в плане воздействия на несовершеннолетнего из-за суицидального характера заключенной в них информации (в частности, Стейс Крамер «50 дней до моего самоубийства»); произведения Ф. М. Достоевского, в которых поднималась проблема выбора, поставленная перед персонажем, склонным к суицидальному поведению. К исследованию были привлечены работы, в которых освещаются проблемы анализа спорных текстов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные труды, посвященные семантическому анализу лексических единиц: Ю. С. Степанов «Методы и принципы современной лингвистики» (1975) [93], И. А. Стернин «Семантический анализ слова в контексте» (2011) [97], Е. Г. Беляевская «Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова)» (1992) [13] и др.; посвященные методике проведения лингвистических экспертиз: А. Н. Баранов «Лингвистическая экспертиза текста: Теория и практика» (2007) [10], И. А. Стернин «Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста» (2017) [95] и др., а также словари русского языка: «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990) [115], «Словарь основных терминов судебных экспертиз» (2009) [87] и др.

Методы исследования. В магистерской диссертации были использованы общетеоретические методы анализа и синтеза, которые позволили провести обзор научных источников, сделать обобщения и сформулировать выводы. Также были использованы методы семантико-

синтаксического и лингвостилистического анализа, метод семантического анализа содержания высказываний для выявления содержательно-концептуальной информации в текстах, использованных для анализа. Лингвисту-эксперту необходимо было обратить внимание на содержательные и структурные особенности текстов, имеющих суицидальный характер.

Научная новизна магистерской диссертации заключается в том, что в рамках анализа спорного текста суицидального содержания разрабатывается методика анализа таких текстов, которая пока не имеет однозначного описания.

Практическая значимость работы определяется использованием результатов исследования в экспертной практике.

Прикладное значение работы определяется тем, что представленная методика прошла апробацию в экспертной деятельности. Была проведена лингвистическая экспертиза художественного текста («50 дней до моего самоубийства», Стейс Крамер, Астраханский следственный комитет).

Положения, выносимые на защиту:

а) метод семантического анализа помогает выявить эксплицитные и имплицитные смыслы спорных текстов, к которым в настоящем исследовании были отнесены поликодовые тексты суицидального содержания; а также художественные произведения, которые решали проблему суицида;

б) семантический анализ произведений Ф.М. Достоевского позволяет выявить социально-психологические основания суицида и пути выхода из сложных жизненных ситуаций;

в) проведение лингвистической экспертизы различных текстов суицидального характера требует междисциплинарного подхода. Необходимо учитывать языковые средства воздействия на адресата (семантико-синтаксические, лексико-грамматические и др.), степень образного воздействия художественного слова.

Апробация работы. Материалы по теме диссертации представлены на международных и всероссийских научных конференциях:

а) всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество», Тольяттинский государственный университет, 5 декабря 2019 г.;

б) III Международная научная-конференция студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых», 29 мая 2020 г.;

в) Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодежь. Наука. Общество», Тольяттинский государственный университет, декабрь 2020;

г) «Студенческие дни науки в ТГУ», Тольяттинский государственный университет, 15 апреля 2021 г.

По теме диссертации опубликованы статьи:

а) Давыдова Р. С. Лексема «сердце» в рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека // «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 5 декабря 2019 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2020. С. 232-234.

б) Давыдова Р. С. Осмысление суицида в рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека // Язык и культура взгляд молодых. Материалы III Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного фестиваля славянских языков и культур (Москва, 26-28 мая 2020 года) / гл. ред. М.Н. Русецкая. М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 127-130.

в) Давыдова Р. С. Роль уменьшительно-ласкательных форм в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, декабрь 2020 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2021. В печати.

г) Давыдова Р. С. «Проблема героев с «подпольным сознанием» в произведениях Ф.М. Достоевского» // Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция (Тольятти, 7 апреля 2021 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2021. В печати.

В рамках исследования в Православной школе «Ковчег» (Самарская область, Ставропольский район, село Верхнее Санчелеево, Кооперативная улица, 8а) были проведены беседы с учащимися и их родителями по теме безопасной коммуникации в интернете, вопросам лингвистической безопасности.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка цитируемой литературы в количестве 120 источников.

Глава 1 Метод семантического анализа как способ понимания смысла текста

1.1 Способы представления смысла в тексте

Слово обладает семантической структурой, которая представляет собой способность обозначать явления, предметы, свойства при помощи внутренне связанных значений. У однозначных слов смысловая структура ограничивается семным составом слова. Простейшей единицей семантической структуры многозначных слов является лексико-семантический вариант (или лексическое значение), который находится с остальными лексическими значениями в определенных отношениях. Это могут быть иерархические отношения, когда зависимые лексические значения подчиняются главному. Кроме того, лексические значения может связывать внутренняя форма слова, выводимость значений друг из друга или их взаимная мотивированность.

Для того, чтобы понять семантическую структуру слова, следует рассмотреть два основных отношения лексико-семантических вариантов: «инвариантное – вариантное», «главное – частное» значения.

Инвариантное (общее) значение представляет собой совокупность совпадающих частей всех значений слова, то есть то, что является постоянным, неизменным в них. Это семантически простое и предельно обобщенное значение бывает весьма полезно для семантического анализа языковых единиц. Благодаря инвариантному значению появляется возможность выстроить семантическую иерархию значений слова. За основу данной иерархии берется степень близости отношений лексических значений к общему (инвариантному). Таким образом, выделяются центральные и периферийные значения, среди которых центральные являются доминирующими, поскольку имеют более простую семантическую структуру,

а периферийные – второстепенными и более сложными в силу того, что отстоят от инвариантного (общего) значения слова дальше чем первые.

Помимо инвариантного (общего) и вариантного значений в семантической структуре слова выделяются главное и частное лексические значения. Главным считается значение, которое в меньшей степени обусловлено контекстом, оно более простое по содержанию и чаще сочетается с другими лексическими единицами. Остальные же лексико-семантические варианты относятся к частным, и в этих значениях слово находится в большей зависимости от контекста, поскольку присоединяет к себе контекстуальные элементы и становится более сложным. Главное лексическое значение – это первичная семантическая функция слова, в свою очередь, частное значение является вторичной семантической функцией. Также следует отметить, что слово, находящееся в главном значении, имеет более широкую и разнообразную сочетаемость, слово же в частном значении, наоборот, обладает избирательной и ограниченной сочетаемостью.

Влияние контекста на семантическую структуру слова актуализирует различные его значения и, таким образом, порождает скрытые смыслы слова.

В словаре О.С. Ахмановой «смысл» определяется как «то содержание (значение), которое слово получает в данном контексте употребления» [7, с. 423]. Следует отметить, что контекст ситуации противопоставляется лингвистическому контексту, поскольку языковое окружение слова, по мнению автора, «во многих случаях не выполняет достаточно определенной дифференциальной функции» [7, с. 423].

Под скрытыми же смыслами подразумеваются те, которые «не присутствуют в языковых (регулярных) значениях и отношениях образующих текст единиц, но являются следствием видоизменения единицы в тексте, одновременной актуализации нескольких возможных ее значений, а также актуализации в тексте дополнительной «внетекстовой» нагрузки языкового знака» [39, с. 5].

Поскольку функционирование в речи скрытых смыслов предполагает наличие адресанта (субъекта) и адресата (объекта) речи, рассмотрим субъектные и объектные скрытые смыслы.

Под субъектными скрытыми смыслами подразумеваются авторские интенции, информация невыраженная словесно или же выраженная с помощью различных знаков и намеков. Субъектные скрытые смыслы можно классифицировать по степени их интенциональности. Этот критерий позволил выделить три подсистемы: «подсистему неинтенциональных / языковых скрытых смыслов, подсистему социально-значимых и конвенциональных скрытых смыслов и подсистему интенциональных скрытых смыслов, намеренно создаваемых говорящим для привлечения внимания адресата» [63, с. 6]. Следует отметить, что скрытые смыслы возникают благодаря структурным особенностям предложения, порождающим дополнительные смыслы, а также благодаря своеобразным сочетаниям предложений и символике языковых фактов.

Объектные скрытые смыслы являются одним из возможных вариантов интерпретации адресатом (объектом) текста. Выбор варианта всецело зависит от способности слушающего распознать истинный смысл, заложенный в тексте. Слушающему не представляется возможность выбора из предложенных вариантов интерпретаций, ему приходится самостоятельно конструировать собственную интерпретацию. Таким образом, объектный скрытый смысл выявляется адресатом при помощи соотнесения текста / высказывания с контекстом общения. Зачастую адресатом в текст привносятся новые смыслы, не предусмотренные говорящим. Это связано с различием картины мира, системы ценностей и восприятием ситуации адресата и адресанта, а также само высказывание может являться неоднозначным, что дает повод для его различных интерпретаций. Отметим также, что наиболее результативным процесс выявления смыслов текста может быть лишь при комплексном подходе. Для понимания текста необходимо учитывать

контекст, вне которого высказывания могут быть истолкованы буквально, что приведет коммуникационной неудаче.

Рассмотрим классификацию скрытых смыслов по способу передачи скрытой информации. Выделяются лингвистические, несобственно лингвистические и экстралингвистические скрытые смыслы.

Лингвистические скрытые смыслы представляют собой такие скрытые смыслы, в которых отсутствуют специальные языковые средства выражения. Наличие в тексте лингвистических скрытых смыслов обозначается определенными знаками, а именно словами с искаженной семантикой, многозначными словами, окказионализмами и др. Таким образом, лингвистические скрытые смыслы всегда сопровождаются знаками, указывающими на наличие скрытой информации, а также формами организации контекста, позволяющими проявляться в тексте таким скрытым смыслам.

Несобственно лингвистические скрытые смыслы функционируют в тексте при помощи особых знаков, имеющих семантическую нагрузку. Данные семантически нагруженные знаки являются единицами языка, но также имеют дополнительную нагрузку во внетекстовой действительности. Несобственно языковые и неязыковые скрытые смыслы оказываются в центре внимания исследователей в тех случаях, когда исследование затрагивает историческую, политическую, культурную обстановку в стране, в которой создавалось произведение. В случае получения в тексте дополнительной художественной нагрузки пресуппозициональные, логические, грамматические и другие скрытые смыслы становятся несобственно языковыми скрытыми смыслами.

Экстралингвистические скрытые смыслы возникают в процессе коммуникации благодаря невербальному поведению коммуникантов. Под невербальным поведением следует понимать мимику, жесты, позы, несущие семантическую нагрузку. Коммуникативно релевантное молчание коммуникантов также можно отнести к невербальному поведению. Наиболее

значимыми экстралингвистические скрытые смыслы являются в случае непосредственной, живой коммуникации. В текстах же художественных произведений невербальное поведение, по причине которого возникают скрытые смыслы, передается словами автора.

Таким образом, классифицирующими признаками скрытых смыслов являются: личностный фактор, степень интенциональности, способ экспликации и способ представления скрытой информации. Из чего следует, что процесс выявления скрытого смысла становится результативным лишь в том случае, когда используется комплексный подход к осмыслению текста [12].

В распространенной в лингвистических кругах концепции Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева указывается, что значение, как компонент языкового сознания носителей языка необходимо рассматривать именно как обобщение [26]. В.В. Красных отмечает, что «адекватная характеристика обобщения заключается в раскрытии его строения» [59, с. 36]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что описание значения является его обобщенной формулировкой с вычленением входящих в состав компонентов в их взаимосвязи.

И.А. Стернин в работе «Методы исследования семантики слова» представляет нам ряд методов, комплексное применение которых способствует наиболее полному и адекватному раскрытию содержания и семантической структуры слова или выражения, а также помогает сформулировать обобщенную дефиницию значения, которая максимально приближена к языковому сознанию носителей языка [94, с. 3].

И.А. Стерниным выделяются следующие методы:

а) метод рефлексивного анализа семного состава слова: логическая рефлексия исследователя над содержанием слова, опорой в данном случае является собственный языковой и когнитивный опыт;

б) метод прямого оппозитивного компонентного анализа: дифференциация семем близких по значению слов по отдельным семам;

в) когнитивно-семантический метод выявления сем: в качестве инструмента описания семантики номинирующих концепты языковых знаков выступает описание концептов как мыслительных единиц;

г) методы получения языкового материала для семного описания: ряд методов, которые дают возможность получить языковой материал, в дальнейшем нуждающийся в интерпретации;

д) методы семной интерпретации языкового материала и формулирования сем: семная интерпретация, способствующая формулированию сем, выявляемых в конкретных значениях, материалом интерпретации могут служить словарные дефиниции, свободные ассоциации, направленные ассоциации, результаты лингвистического интервьюирования;

е) методы верификации семного описания значения: объективизация семантического описания [94, с. 4].

1.2 Применение метода семантического анализа в лингвистической экспертизе

Наиболее важными, дающими эксперту возможность правильно оценить семантику слов в спорном тексте, являются следующие принципы:

а) принцип учета многозначности слова;

б) принцип учета контекста употребления спорного слова или выражения;

в) принцип учета ситуации употребления спорного слова или выражения;

г) принцип учета языкового сознания среднестатистического носителя языка [96, с. 58].

В первую очередь обратимся к принципу многозначности слова. Слова в языке имеют несколько значений, то есть многозначны, однако в конкретном тексте актуализируется, как правило, одно значение многозначного слова. Также и языковые выражения (словосочетания и высказывания) могут иметь

разные значения в зависимости от контекста. Поэтому определить, в каком именно значении актуализировано то или иное выражение, можно лишь обратившись к конкретному тексту.

Поэтому в процессе проведения лингвокриминалистической экспертизы текста необходимо ориентироваться на потенциальную многозначность спорных слов. Для этого исследователь обязан в первую очередь описать все имеющиеся в современном русском языке значения данного слова. Кроме того, экспертиза подразумевает выявление и описание лингвистических маркеров, которые подтверждают актуализацию именно этого, а не какого-либо другого семантического значения в данном тексте.

Для установления семантики слова в современном русском языке необходимо обратиться к словарям. Прежде всего, это должны быть наиболее авторитетные, наиболее полные толковые словари русского языка, такие как «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова [71], «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [70], «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой [41], «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика [107] и др. Также очень важно, чтобы при установлении значения спорного слова использовалось несколько разных словарей. Далее полученные данные обобщаются методом обобщения словарных дефиниций.

Следует отметить, что разные лингвистические школы, а также разные исследователи прибегают к различным методам семантического описания, а кроме того, используют разный метаязык семантического описания. Это, в свою очередь, приводит к разным, на первый взгляд, результатам экспертизы. И тут возникает вопрос: следует ли считать одни результаты правильными, а другие ошибочными, или же и те, и другие имеют право на существование?

Конечно, в описании семантики языковых единиц могут быть допущены ошибки, кроме того, семантика одних и тех же слов может быть описана с разной полнотой. Но в наше время практика семантического анализа в первую

очередь ориентируется на интеграцию описаний, полученных в различных лингвистических парадигмах и разных источниках.

Профессиональный эксперт-лингвист И.А. Стернин, имеющий богатый опыт практического семантического описания языковых единиц, сформулировал обобщенные принципы описания данных языковых единиц. Эти принципы были описаны в его статье «Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста» [95].

Одним из принципов, описанным И.А. Стерниным, является «принцип неединственности метаязыкового описания ментальных единиц» [95, с. 203]. Этот принцип сформировался в результате анализа скрытых смыслов текста. Следует отметить, что именно скрытые смыслы придают текстам выразительность, яркость и эффективность, а художественные тексты делают художественными. Но именно скрытые смыслы вызывают жестокие споры ученых-лингвистов, поскольку до сих пор не разработана методика их выявления, что в свою очередь порождает множество произвольных интерпретаций одних и тех же высказываний.

И.А. Стернин определяет скрытый смысл как «неявный смысл, открывающийся реципиенту текста не сразу, а в результате некоторой осуществляемой им мыслительной операции» [94, с. 83]. Многие из этих смыслов могут получить разную метаязыковую формулировку на естественном метаязыке у разных экспертов. Следует отметить, что в семантических исследованиях лучше всего использовать естественный язык, это обусловлено его доступностью как исследователю, так и рядовому пользователю языка. Также отметим, что у естественного языка, как системы, имеются практически неограниченные возможности формулирования смыслов текста. Именно это в свою очередь дает возможность разным ученым описать одни и те же ментальные сущности в различных научных парадигмах абсолютно по-разному.

Принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц способствует осознанию еще одного принципа, который

вывел И. А. Стернин, а именно «принципа дополнительности семантических описаний» [95, с. 203]. Данный принцип заключается в том, что описание ментальной единицы не может быть полным без обобщения и интеграции различных ее описаний. Под ментальной единицей И. А. Стернин подразумевает «прежде всего значение и компоненты значений» [94, с. 60].

Вышеописанный принцип И. А. Стернина позволяет вывести следующий принцип – «принцип дополнительности словарных дефиниций», в котором прослеживается мысль о том, что в дефинициях различных словарей указываются лишь некоторые важные признаки значения, полное же описание возможно составить лишь с помощью дефиниций других словарей, дополняющих исходную дефиницию. Таким образом, можно сказать, что дополняя друг друга дефиниции разных словарей делают описание значения слова как единицы системы языка более полным.

Подводя итог, обобщим информацию об общих методологических общелингвистических принципах:

а) принцип дополнительности семантических описаний заключается в том, что различные описания семантики языковых единиц являются дополнением друг к другу и могут быть интегрированы в обобщающее описание;

б) принцип неединственности (множественности) метаязыкового описания ментальных единиц представляет собой семантическое описание ментальных единиц разных типов разными метаязыками, при этом допускается расхождение в метаязыковой форме описания одних и тех же ментальных единиц в разных исследовательских парадигмах и у разных ученых, поскольку подобные расхождения считаются не ошибкой, а материалом для анализа и унификации;

в) принцип дополнительности словарных дефиниций предполагает, что наиболее полное семантическое описание осуществляется лишь благодаря интеграции дефиниций разных словарей.

Рассмотрим принцип учета контекста. Любое лингвистическое исследование семантических отношений языковых единиц должно учитывать такую важную категорию лингвистики как контекст, без которого невозможно получить однозначные результаты исследования. Известный лингвист Д. Н. Шмелев писал о контексте: «Мы, как правило, не задумываясь, и безо всякого труда узнаем, в каком из своих значений употреблено в той или иной фразе многозначное слово, именно потому, что контекст (реально осуществленный в речь или предполагаемый ситуацией) указывает это значение» [113, с. 256].

Философ Л. И. Ибраев, рассуждая о контексте писал: «Вне контекста смысл многозначного знака остается неизвестным. Поэтому причины языковых недоразумений не просто в многозначности слов, а еще в недостаточности контекста» [46, с. 20].

Исследователь Т. Живон в своей работе «Context as Other Minds: The Pragmatics of Sociality» (2005) приходит к выводу о том, что коммуниканты в процессе взаимодействия по-своему интерпретируют прагматические модели той ситуации, в которой они находятся. Эти модели обозначены Т. Живоном как контекстуальные модели [119].

Учет контекста мы можем рассматривать в качестве второго этапа семантического описания слова в процессе выполнения лингвистической экспертизы. После того, как многозначность слова установлена, исследователю необходимо проанализировать контекст, а также выявить его лингвистические маркеры, сигнализирующие о том, что в данном тексте актуализируется конкретное значение слова.

Пренебрежение контекстом, в котором слово употреблено, может привести эксперта-лингвокриминалиста к серьезным ошибкам в описании семантического значения анализируемого спорного слова или цельного высказывания.

Принцип учета коммуникативной ситуации подразумевает необходимость помимо многозначности и контекста спорного слова

рассматривать, в какой коммуникативной ситуации представленное слово употреблено. Учитывая коммуникативную ситуацию, исследователь получает возможность максимально дополнить анализ контекста. В том случае, когда контекст является незначительным, или же в данном контексте отсутствует информация, которая необходима для анализа семантики слова или цельного выражения, то коммуникативная ситуация и вовсе может его заменить.

Таким образом, контекст выявляет маркеры, помогающие актуализировать определенное значение многозначного слова. В некоторых случаях сам контекст может выступать в роли подобного маркера. Экстралингвистическая же ситуация дает возможность прояснить значение анализируемого слова.

Информация о том, в какой именно ситуации было употреблено спорное слово, может быть известна эксперту из различных источников. Например, таких как: личный опыт; материалы дела; фотографии или видеозаписи.

Обратимся также к принципу языкового сознания среднестатистического носителя языка. Данный принцип рекомендует составлять семантическое описание спорных слов или выражений с опорой на языковое сознание реального среднестатистического носителя языка. Это связано с тем, что именно такое обыденное сознание должно воспринимать спорные тексты.

Во время экспертизы могут возникать различные противоречия между значением, в котором слово употреблено в спорном тексте, и значением, которое дается в словарях. Возникает необходимость ликвидировать это противоречие. Подобные проблемы обычно появляются в тех случаях, когда спорный текст актуализирует совершенно новое значение слова, еще не описанное в толковых словарях. Кроме того, ликвидация противоречий необходима, когда в тексте актуализируются такие компоненты значения, которые заключают в себе нетрадиционный, редко функционирующий, и даже неожиданный смысл. В случаях актуализации в тексте подобного смысла

исследователям рекомендуется проводить лингвистическое интервьюирование [94, с. 205].

Таким образом, вышеперечисленные методы и принципы способствуют наиболее полному и адекватному описанию содержания и структуры значения слова или выражения, а также помогают сформулировать обобщенную дефиницию значения, максимально приближенную к реальному языковому сознанию.

Выводы по первой главе

Обзор научных источников, посвященных проблеме способам представления смыслов в тексте и применения метода семантического анализа в лингвистической экспертизе показал следующее.

Методы и принципы семантического анализа способствуют наиболее полному и адекватному описанию содержания и структуры значения слова или выражения, а также помогают сформулировать обобщенную дефиницию значения, максимально приближенную к реальному языковому сознанию.

Скрытые смыслы «не присутствуют в языковых (регулярных) значениях и отношениях образующих текст единиц, но являются следствием видоизменения единицы в тексте, одновременной актуализации нескольких возможных ее значений, а также актуализации в тексте дополнительной «внетекстовой» нагрузки языкового знака» [Исаева 1996: 5].

Под субъектными скрытыми смыслами подразумеваются авторские интенции, информация невыраженная словесно или же выраженная с помощью различных знаков и намеков.

Объектные скрытые смыслы являются одним из возможных вариантов интерпретации адресатом (объектом) текста. Выбор варианта всецело зависит от способности слушающего распознать истинный смысл, заложенный в тексте. Слушающему не представляется возможность выбора из предложенных вариантов интерпретаций, ему приходится самостоятельно конструировать собственную интерпретацию. Таким образом, объектный

скрытый смысл выявляется адресатом при помощи соотнесения текста / высказывания с контекстом общения.

По способу передачи скрытой информации выделяются лингвистические, несобственно лингвистические и экстралингвистические скрытые смыслы. Лингвистические скрытые смыслы представляют собой такие скрытые смыслы, в которых отсутствуют специальные языковые средства выражения. Наличие в тексте лингвистических скрытых смыслов обозначается определенными знаками, а именно словами с искаженной семантикой, многозначными словами, окказионализмами и др.

Несобственно лингвистические скрытые смыслы функционируют в тексте при помощи особых знаков, имеющих семантическую нагрузку. Несобственно языковые и неязыковые скрытые смыслы оказываются в центре внимания исследователей в тех случаях, когда исследование затрагивает историческую, политическую, культурную обстановку в стране, в которой создавалось произведение.

Экстралингвистические скрытые смыслы возникают в процессе коммуникации благодаря невербальному поведению коммуникантов. Наиболее значимыми экстралингвистические скрытые смыслы являются в случае непосредственной, живой коммуникации. В текстах же художественных произведений невербальное поведение, по причине которого возникают скрытые смыслы, передается словами автора.

Таким образом, было установлено, что классифицирующими признаками скрытых смыслов являются: личностный фактор, степень интенциональности, способ экспликации и способ представления скрытой информации. Из чего следует, что процесс выявления скрытого смысла становится результативным лишь в том случае, когда используется комплексный подход к осмыслению текста.

Глава 2 Семантический анализ художественных произведений суицидальной тематики

2.1 Произведения Ф.М. Достоевского как попытка осмысления проблемы суицида

Историко-философский подход к проблеме суицида раскрыл внешнюю причину случаев самоубийства, было обращено внимание на кризис культуры и цивилизации [89; 90], на психологию эгоцентризма, замкнутости и безверия людей [15]. Социологические исследования Э. Дюркгейма, Р. Мертона, П. А. Сорокина и др. показали, что существует тесная связь между практикой самоубийства и нравственным укладом общества [38]. С психологической точки зрения этот вопрос рассмотрел К. Левин [120]. Литературно-художественный подход в произведениях русских писателей А. Н. Островского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина и др. обозначил способы решения проблемы суицида. Например, в рассказах «Володя» А. П. Чехова и «Митина любовь» И. А. Бунина описаны судьбы еще совсем молодых людей, которых уже постиг духовный кризис. Не справившись с ним, герои совершают самоубийство.

Разрешить вопрос выхода из сложной социо-психологической ситуации пытался и Ф. М. Достоевский, в творчестве которого теме самоубийства уделено пристальное внимание: «Преступление и наказание» (1866 г.), «Приговор» (1876 г.), «Кроткая» (1876 г.), «Именинник» (1877 г.), «Сон смешного человека» (1877 г.), «Братья Карамазовы» (1878 г.) и др. Суицидальная тематика писателя рассматривалась в трудах ученых: И. А. Паперно [76], Н. Н. Наседкин [68], Г. А. Склеинис [86], В. С. Ефремов [40], А. В. Лесевицкий [60] и др. Н. Н. Наседкин в исследовании «Самоубийство Достоевского: Тема суицида в жизни и творчестве» (М., 2002) [68] утверждает, что суицидальной тематикой были проникнуты не только произведения писателя, но и вся его жизнь: писатель «максимально

использовал свой дар именно для преодоления своего суицидального комплекса, переживая раз за разом со своими героями-самоубийцами добровольную смерть и вновь и вновь возрождаясь для жизни – так сказать, добровольный коматозный катарсис» [68, с. 425].

Суицидальное поведение героев Ф. М. Достоевского рассматривалось В. С. Ефремовым в аспекте психиатрии в монографии «Самоубийство в художественном мире Достоевского» (СПб., 2008). Ученый, анализируя случаи суицида, описанные на страницах произведений писателя, приходит к выводу: «Многообразие подходов Достоевского к рассмотрению проблемы самоубийства в художественных и публицистических произведениях позволяет считать «суицидологию писателя» одним из самостоятельных аспектов изучения этого общественного и клиничко-психологического феномена» [40, с. 523].

В публицистике и романистике Ф. М. Достоевского 60-70-х гг. XIX в. особое внимание уделяется нравственным причинам самоубийства. Особое место тема суицида занимает в «великом пятикнижие» писателя. В каждом из пяти произведений нам встречаются герои-самоубийцы, и в каждом Ф.М. Достоевский тщательнейшим образом рассматривает причины, побудившие героя совершить этот страшный поступок.

В романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский представляет читателям своего первого настоящего, логического самоубийцу – Свидригайлова Аркадия Ивановича, который продумал свое самоубийство, обосновал его, подготовил и совершил. Причиной самоубийства Свидригайлова становится моральное и нравственное опустошение, которое он испытывает. Герой ведет распутную жизнь: играл в карты, был заключен в долговую тюрьму, изнасиловал девочку, чем довел ее до самоубийства, также по его вине покончил с собой лакей Филипп. Все эти поступки наносят свой отпечаток на душу героя, он осознает, что погибший. Попытка удержаться на этом свете за счет Дуни не увенчалась успехом. Свидригайлов окончательно решается на самоубийство. На примере данного персонажа Ф. М. Достоевский

с психологической точностью описал путь человека, решившегося свести счеты с жизнью, но до последнего оттягивающего этот момент. Однако в последний момент, когда отвращение к своей жизни и к тому, что окружает его переполняет героя, он хладнокровно, владея собой, выстреливает себе в голову.

Суицидальные мысли посещают и Раскольникова в тот момент, когда он устает от своих метаний. Однако героя спасает одно «безобразное видение», а именно сцена попытки самоубийства мещаночки Афросиньюшки, которая решила наложить на себя руки, устав от постоянной нищеты и безысходности. Увидев, что произошло с несчастной женщиной, Раскольников понимает, что этот путь для него неприятен, гадок и противен. Мысль о том, чтобы броситься в воду и так разрешить свои проблемы оставляет героя.

В романе «Идиот» потенциальным самоубийцей является Ипполит Терентьев, чахоточный юноша, для которого самоубийство становится протестом против несправедливости бытия. Логические размышления Ипполита о смерти позволяют назвать его, так же, как и Свидригайлова, логическим самоубийцей. Однако в действиях юноши мы можем усмотреть желание «сбежать» из окружающей его действительности. Подобный мотив бегства от общества рассматривает в своей монографии французский ученый Жан Бэшлер: «Совершение самоубийства-бегства представляет собой изъятие своей жизни из ситуации, ощущаемой индивидом как невыносимая» [116, с. 66]. В своей исповеди, названной «Мое необходимое объяснение», Ипполит нарочно подчеркивает безразличное отношение к миру живых. Однако вопросительная форма комментариев, которыми он предваряет «Объяснение», заставляет усомниться в том, что герою действительно «все равно»: «да черт ли мне в том, что они скажут! Не правда ли? Пускай их потом говорят, так ли, князь? И какое нам всем до того дело, что будет потом?» [36, с. 396]. Ипполит как будто сам замечает неуместность своих вопросов и одергивает себя: «Что это я все спрашиваю, все-то я спрашиваю!» [36, с. 397]. Кроме того, герой постоянно оглядывается на читателей, опасаясь, что они «скажут, что я, может

быть, и хотел что-то высказать, но при всем моем желании не сумел» [36, с. 409], также Ипполита беспокоит, что те, кому он адресовал свою исповедь, его «сочтут за ученика низшего класса», «за помешанного или даже за гимназиста» [36, с. 409]. Очевидно, что мнение окружающих о его поступке и о нем самом для героя очень важно, а равнодушие его мнимое. Также следует отметить, что бунт Ипполита против несправедливости бытия носит богоборческий характер: «Если уже раз мне дали сознать, что «я есмь», то какое мне дело до того, что мир устроен с ошибками, и что иначе он не может стоять? Кто же и за что меня после этого будет судить? Как хотите, все это невозможно и несправедливо» [36, с. 430]. В размышлениях героя мы наблюдаем проявление «подпольного сознания»: обостренное чувство собственного достоинства, бунт против общества, которое отказывается принимать «подпольных людей», но при этом, порой неосознанное, горячее желание присоединиться к этому обществу. Можно предположить, что именно такого типа люди (с разорванным сознанием, чья жизненная философия строится исключительно на парадоксах) должны быть более других склонны к суициду. Ведь, отвергая Бога, отвергая общество, отказываясь прощать и принимать прощение, они загоняют себя в ловушку, в Подполье. Есть ли выход из этого Подполья?

Особо остро проблема суицида поднимается Ф. М. Достоевским в романе «Бесы». В данном романе писатель представляет нам образ, который является кульминацией его размышлений об идее бытия и идее самоубийства. Это образ инженера Кириллова, который, размышляя о смерти и бессмертии, доходит до крайней точки в противоречии, мучавшем Ипполита Герентьева. Он не просто ставит под сомнение воскресение Христа (как это делал Ипполит), он полностью отвергает возможность воскресения, и таким образом приходит к мысли о том, что раз смерть не побеждена, то Бога нет. Кириллов чувствует необходимость существования Бога, но не может постичь это существование разумом. В нем борются две идеи: «Бог необходим» и «его нет

и не может быть» [36, с. 550]. Идеи эти приводят героя к следующему выводу: «человеку с такими двумя мыслями нельзя оставаться в живых» [33, с. 550].

В фантастическом рассказе «Сон смешного человека» главный герой (тоже представитель «подпольного сознания») решает свести счеты с жизнью, поскольку не видит смысла ни в своем существовании, ни в существовании мира: «Я вдруг почувствовал, что мне все равно было бы, существовал ли бы мир, или если б нигде ничего не было» [35, с. 380]. Однако в процессе повествования Смешной человек преодолевает свой кризис и перерождается. Причиной перерождения становится сон, а точнее, те чувства и ощущения, которые герою довелось пережить во сне. Именно в ту ночь, когда Смешной человек «положил убить себя» [37, с. 381], ему снится прекрасная планета, жизнь на которой исполнена гармонии и любви. Но вскоре гармония рушится из-за того, что герой «развратил» жителей планеты, он инициировал индивидуализацию людей. Началось разъединение, борьба за обособление и за личность. К Смешному человеку приходит осознание содеянного: «я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю» [37, с. 393]. Он страдает и жаждет искупления: «Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте» [37, с. 395]. Когда же страдание за погубленных им людей достигает наивысшей точки, герой просыпается. Но просыпается уже другим человеком, перерожденным: увидев приготовленный, заряженный револьвер он «в один миг оттолкнул его от себя!» [37, с. 396]. Узнав Истину, герой жаждет лишь одного: «О, теперь жизни и жизни!.. Да, жизнь и – проповедь!» [37, с. 396].

Таким образом, можно заключить, что причиной самоубийства Свидригайлова и Кириллова, а также потенциального самоубийства Ипполита Терентьева, Раскольников и Смешного человека является духовный кризис, отсутствие смысла жизни (типичная проблема героев с «подпольным сознанием»). И если Ипполит не сумел преодолеть свой кризис и выбраться из Подполья, то в рассказе «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевский показывает путь преодоления суицидального состояния, порожденного «подпольным сознанием» героя. Это путь любви и сострадания: «Главное –

люби других, как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо» [37, с. 397]. Спасительная жалость героя к жителям планеты и к маленькой девочке уберегла его от самоубийства и дала смысл жизни.

2.2 Семантика слов «сердце», «сердиться» в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека»

Лексема «сердце» в русской языковой картине мира получила достаточно глубокое описание в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова ???], А.Д. Шмелева [Шмелев 2002], Ю.В. Шатина [Шатин 2011] и др. ученых. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечено, что слово «сердце» восходит к «*sъrd- / *sъrdь», древнее корневое имя сохраняется в ст.-слав. милосръдъ, тѣжъкосръдъ» [105, с. 605].

Слово «сердце» обладает сложной семантикой. В Словаре В. И. Даля отмечены следующие значения: «грудное чрево, принимающее в себя кровь из всего тела, очищающее ее через легкие и рассылающее обновленную кровь по всем частям», «нутро, недро, утроба, средоточие», «представитель любви, воли, страсти, духовного начала», «гнев, негодование, злость» [30, с. 178]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова указано: «орган кровообращения», «часть тела как символ средоточия чувств», «место, имеющее существенное значение для чего-нибудь» [104, с. 619]. В «Библейском Словаре к русской канонической библии» находим толкование этого слова: «Сердце – центр духовной и физической жизни человека, его внутренний мир» [24, с. 345].

Функционирование лексемы «сердце» в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» (1877) высокочастотно, встречается 31 употребление, лексема «сердце» обусловлена словами «сердиться» (2 употребления), «рассердился» (2 употребления), «милосердный» (1 употребление). Такое употребление обусловлено задачей творчества Ф. М. Достоевского: постижение тайны человеческой личности и духовной

природы человека. В библейской традиции, на которую опирался Ф.М. Достоевский, духовная жизнь человека сосредоточена именно в сердце. Через сердце человек познает Бога и принимает в себя Его благодать. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8), – сказано в Евангелии. Но тайна сердца заключается в том, что оно может источать как добро, так и зло. В Евангелии мы встречаем слова о том, что из глубин человеческого сердца исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства (Марк 7:21). Примечательно, что в рассказе «Сон смешного человека» герой, собиравшийся убить себя выстрелом в голову, во сне выстреливает себе в сердце.

Отметим, что тему ума и сердца Ф.М. Достоевский рассматривал в выпусках «Дневника писателя» за 1877 год. Писатель подчеркивает разницу между ошибками ума и ошибками сердца. Эта разница, по его мнению, заключается в том, что ошибки ума могут быть осознаны и исправлены за достаточно непродолжительное время. Как считает Ф. М. Достоевский, логика самой жизни должна открыть глаза обществу (или человеку) и указать верный путь. Ошибки же сердца – это совершенно другое. Они поражают дух, наводят на людей духовную слепоту, и уже никакая логика и никакие факты не могут помочь людям выйти из нее. Порой случается такое, что человек (или даже целая нация), осознав свое заблуждение, предпочитает погибнуть, но не исцелиться. В связи с этим Ф. М. Достоевский искренне радуется, что русских ошибки сердца миновали, а «все споры и разъединения наши произошли лишь от ошибок и отклонений ума» [35, с. 5].

Противопоставление ума (головы) и чувств (сердца) определяет повествование рассказа «Сон смешного человека», где жители изумрудной планеты, на которую герой попадает во сне, после растления не просто совершают ошибку сердца, а сознательно отказываются от жизни сердца и ставят ум на первое место. Теперь они пытаются постигнуть все на уровне ума: «у нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно» [37, с. 394]. Примечательно, что в этом случае слово «истина»

употреблено не с заглавной буквы, возможно, это связано с тем, что люди с момента их грехопадения утратили духовное понимание Истины. Они не осознают, что принять Истину возможно лишь сердцем, поскольку ум – орган поиска, и только сердце – орган нахождения. Когда же ум начинает повелевать сердцем, под сомнение ставятся вещи, казавшиеся ранее человеку очевидными.

Возвращаясь к самоубийству, отметим, что герой, решивший выстрелить себе именно в правый висок (то есть в ум), во сне оказывается убит выстрелом в сердце. Таким образом, сновидение указывает на истинную проблему «смешного человека» – на ошибку сердца. На «планете Солнца» сердце героя исцеляется, однако он успевает заразить других. Проснувшись, герой решает, что необходимо проповедовать Истину, открывшуюся ему во сне. Ведь теперь он понимает, все люди на Земле действительно составляют единый организм, «единое древо», и даже одна клетка этого организма может повлиять на течение жизни (разрушить, как сделал это «смешной человек» в своем фантастическом сне, или же возродить).

Таким образом, лексема «сердце» в рассказе Ф. М. Достоевского акцентирует внимание читателя на внутреннем мире героя, его духовно-нравственном состоянии.

2.3 Пути преодоления душевного разлада персонажей в произведениях Ф.М. Достоевского

В философском эссе «Миф о Сизифе» А. Камю писал: «Есть лишь один поистине серьезный философский вопрос – вопрос о самоубийстве. Решить, стоит ли жизнь труда быть прожитой или она того не стоит, – это значит ответить на основополагающий вопрос философии» [49, с. 30].

В фантастическом рассказе «Сон смешного человека» факт самоубийства представлен не совсем обычным образом: главный герой убивает себя во сне. Зародившееся намерение свести счеты с жизнью у

«смешного человека» передано первоначально самохарактеристикой: «я смешон», «я горд». Проявляется «подпольное» сознание «смешного человека», выраженное в гипертрофированном самолюбии и крайне развитом индивидуализме. Герой сам признает: «я всегда был горд», «гордость росла во мне», «мне все равно», «я совсем перестал... думать». Он замыкается в своем подполье, становится равнодушен ко всему: «Я вдруг почувствовал, что мне все равно было бы, существовал ли бы мир или если б нигде ничего не было» [37, с. 380]. Мысли, созвучные переживаниям «смешного человека», мы находим в одном из «Нравственных писем к Луцилию» римского писателя и философа Сенеки: «И некоторые, устав и делать, и видеть одно и то же, пресыщаются и чувствуют даже не ненависть, а отвращение к жизни... И немало есть таких, кому жизнь кажется не горькой, а ненужной» [84, с. 20]. Герой Ф. М. Достоевского, подобно людям, описанным Сенекой, переживает духовный кризис. Анализируя состояние «смешного человека» В. С. Ефремов приходит к выводу, что в данной ситуации «речь идет о потере смысла жизни, связанной с изменением духовного содержания человека, естественно, отражающегося на особенностях его переживаний и мировосприятии» [40, с. 371].

У героя зарождается мысль о самоубийстве, однако воплощение своего замысла он откладывает до тех пор, когда ему будет «не так все равно» [37, с. 382]. Состояние природы созвучно внутреннему состоянию «смешного человека»: «мрачный вечер», «мрачное время», «холодный и мрачный дождь», «грозный дождь...с явной враждебностью к людям». И будто в противовес этой гнетущей атмосфере герой вспоминает про «прекрасный револьвер», вот уже два месяца лежащий у него в столе. Антитеза «мрачный» и «прекрасный» помогает проследить ход мыслей «смешного человека»: окружающая действительность враждебна, а спасение может принести лишь смерть посредством револьвера.

Таким образом, в первой части рассказа идея суицида соотнесена с ключевыми лексемами тоска, горд: «в душе моей нарастала страшная тоска»

[37, с. 380], «в ненависти моей к людям... заключалась всегда тоска» [37, с. 392], «в любви моей к ним тоска» [378, с. 392], «я всегда был так горд» [378, с. 380]; эпитетами смешной (самая частотная характеристика внутреннего состояния, в рассказе герой использует эту лексику 11 раз), *сумасшедший, ужасный, мрачный, холодный, враждебный, грустный*.

Если первоначально в произведении герой живет мыслью о самоубийстве, утверждает положительное отношение к этой идее, то затем начинается преодоление депрессивного состояния, понимание ценности жизни. Переломным моментом в состоянии природы и психологическом состоянии героя выступает появление звездочки, которая «дала мысль»: «я положил в эту ночь убить себя» [378, с. 381]. Очередное противопоставление («перестал думать» / «дала мысль») указывает на то, что во внутреннем мире героя происходят изменения: он выходит из равнодушно-сонного состояния, решается на действия.

Утвердившись в мысли свести счеты с жизнью «в эту ночь», герой встречает на улице девочку, просящую о помощи. Отмахнувшись от нее, он спешит домой совершить задуманное. Однако и дома мысли о бедной девочке не покидают его, герою становится больше не «все равно», он «почувствовал», «пожалел», «рассердился». Если раньше в речи «смешного человека» преобладали глаголы несовершенного вида («тосковал», «углублялся», «страдал» и др.), то теперь герой использует глаголы совершенного вида, передающие его внутреннее состояние («стал думать», «затопал», «закричал», «отдалил выстрел», «заснул» и др.). «Смешной человек» начинает «просыпаться». Сердечная боль разбудила душу, однако сознание продолжает упорно сопротивляться: «я убью себя», «я обращусь в нуль», «я сейчас совершенно не буду существовать», «угаснет мое сознание» [378, с. 384].

Во сне основными становятся лексемы: *сердце* (не голова, герой задумывал стреляться в голову, а выстрелил в сердце), *капля воды* (капля воды во сне, как и девочка наяву, выводит героя из его равнодушного покоя); определения *неразумное* (самоубийство), *глубокое* (негодование),

неблагодарный: «если же ты мстишь мне за неразумное самоубийство мое» [378, с. 387], «глубокое негодование загорелось вдруг в сердце моем» [378, с. 386], «я неблагодарный выстрелом в сердце мое погасил жизнь мою» [378, с. 388].

Природа во сне сильно отличается от мрачной природы в реальной жизни. В ее описании встречаем следующие определения: «прелестный как рай день», «ласковое море», «прекрасные деревья», «ароматные цветы». Люди фантастической планеты также отличаются от людей, которых герой знал на Земле. Они относятся с любовью ко всему, что их окружает, поэтому герой совсем не кажется им смешным: «Эти люди... ласкали меня, ... всякому из них хотелось успокоить меня» [378, с. 389].

Таким образом, окончательно «пробуждение» от разрушительных идей и выход из подполья происходит во сне. Оказавшись на фантастической планете, герой испытывает сильные чувства к жителям этой планеты: «я полюбил их», «я им принес разврат», «я жаждал мук», «я страдал за них», «я почувствовал, что умру», «я проснулся». Страдания за людей, ставших несчастными по его вине, воскрешают героя: «О, теперь жизни и жизни!» [378, с. 396]. Он переживает катарсис, проходит путь от индивидуализма к самопожертвованию и всю свою оставшуюся жизнь посвящает проповедованию Истины: «люби других как себя» [378, с. 397]. Так происходит изменение желаний: первоначальное желание застрелиться сменяется жаждой любви, страданий, слез, жизни. В одном из номеров «Дневника писателя» Ф. М. Достоевский повторяет мысль, заложенную в рассказе «Сон смешного человека»: «А чтоб не погибнуть в отчаянии от непонимания путей и судеб своих, от убеждения в таинственной и роковой неизбежности зла, человеку именно указан исход» [34, с. 217], этим спасительным средством, по мнению писателя, являются Милосердие и Любовь.

Другим ключевым приемом акцентирования внимания читателя на душевных метаниях персонажа выступает в произведении писателя такое словообразовательное средство, как уменьшительно-ласкательные формы.

Уменьшительно-ласкательные средства языка получили достаточно глубокое описание в трудах Л.С. Новиковой [69], В.Н. Виноградовой [23], З.И. Резановой [79] и др. ученых. Исследователи отметили, что использование уменьшительно-ласкательных суффиксов отражает эмоциональное состояние повествователя, а также его отношение к объекту: «Эмоциональное отношение говорящего (в художественном тексте – повествователя) к объекту именования – сильнейший фактор, определяющий реализацию эмоционального потенциала деминутива. При общем положительном отношении говорящего к объекту смысл деминутива естественно интерпретируется как имеющий положительную эмоциональную направленность...» [79, с. 183].

К уменьшительно-ласкательным средствам языка отнесены различные суффиксы субъективной оценки: -ец- (значение издевки, сочувствия, близости), -ок-/-ик-/-чик- (значение ласкательности или уничижительности), -ишк- (значение пренебрежительности, иногда ласкательности), -оньк- (ласкательное значение) и др. Одним из ярких способов выражения ласкательной окрашенности выступает суффикс -очк-. В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой дана следующая характеристика суффиксу -очк-: «1. суффикс, формообразовательная единица, которая образует имена существительные женского рода со значением уменьшительности, обычно сопровождающейся экспрессией ласкательности (вазочка, дурочка, звёздочка, лампочка, мордочка, язвочка и т.п.); 2. суффикс (а также -ечк-(а)) формообразовательная единица, образующая имена существительные мужского и женского рода с ласкательным или уменьшительно-ласкательным значением (Ванечка, дядечка, мамочка, Ниночка, папочка и т.п.)» [41]. Суффикс -очк(а)/-ечк(а) используется в словообразовании с существительными всех трех родов, имеет ласкательное, реже

уменьшительно-ласкательное значение (папочка, мамочка, тетечка, дядечка, нянечка).

Функционирование уменьшительно-ласкательных лексем в творчестве Ф. М. Достоевского было рассмотрено в работе Д. А. Сапрыкиной [83]. На материале романа «Бедные люди» было определено, что широкое употребление уменьшительно-ласкательных форм «отражает отношение персонажа к миру, невольно проходящее через призму сознания «маленького человека», с одной стороны, и способствует раскрытию образа как человека с кротким сердцем, с другой» [83, с. 130].

В настоящем исследовании интерес представляют формы с уменьшительно-ласкательным суффиксом -очк-, используемые автором для понимания внутреннего мира главного героя рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека».

Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса -очк- в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» достаточно частотно. В тексте отмечено 20 случаев употребления форм на -очк-, которые представлены словами: «девочка» (10 употреблений), «звездочка» (6 употреблений), «мамочка» (2 употребления), «в платочке» (1 употребление), «листочки» (1 употребление). Именное словообразование проявляется наиболее активно в передаче оценочных смыслов, а уменьшительно-ласкательные суффиксы не только входят в его состав, но и образуют центр его прагматической и оценочной сфер. Примечательно, что именно эти, образованные с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса -очк-, имена существительные являются ключевыми в тексте и помогают читателю разобраться в душевном состоянии героя.

Образ девочки весьма значим, ее появление пробуждает сердце героя: «меня вдруг схватила за локоть эта девочка» [37, с. 382]. Словоформы «в платочке» и «мамочка» связаны с образом бедной девочки, которая просила помощи для умирающей матери: «Девочка была лет восьми, в платочке...» [37, с. 382], «Она была отчего-то в ужасе и кричала отчаянно: «Мамочка!

Мамочка!» [37, с. 382]. Герой не помог ей: «я не пошел за ней, и, напротив, у меня явилась мысль вдруг прогнать ее» [37, с. 382], однако она растревожила его равнодушие и заставила почувствовать жалость: «Я помню, что я ее очень пожалел; до какой-то даже странной боли» [37, с. 384]. Он начинает задаваться вопросами: «Почему ж я не помог девочке?» [37, с. 383], «Отчего же я вдруг почувствовал, что мне не все равно и я жалею девочку?» [37, с. 384], «Но ведь если я убью себя, например, через два часа, то что мне девочка и какое мне тогда дело и до стыда и до всего на свете?» [37, с. 384], «И неужели сознание о том, что я сейчас совершенно не буду существовать, а стало быть, и ничто не будет существовать, не могло иметь ни малейшего влияния ни на чувство жалости к девочке, ни на чувство стыда после сделанной подлости?» [37, с. 384]. Герой признается, что именно этой девочке он обязан своим спасением, мысли о ней не дали ему совершить самоубийство: «И уж, конечно бы, застрелился, если б не та девочка» [37, с. 382], «Одним словом, эта девочка спасла меня» [37, с. 385]. Воспоминания о девочке не оставляют героя и во сне, вспоминая о родной земле, он невольно вспоминает и девочку: «Образ бедной девочки, которую я обидел, промелькнул передо мною» [37, с. 388]. Пробудившись от сна, переосмысливший жизненные ценности герой снова вспоминает о девочке: «А ту маленькую девочку я отыскал...» [37, с. 397]. Таким образом, отмечаем, что образ девочки появляется в повествовании в моменты сердечного пробуждения героя.

Появление звездочки выступает переломным моментом в психологическом состоянии героя: «Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее» [37, с. 381], «эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя» [37, с. 381], «эта звездочка дала мне мысль, и я положил, что это будет непременно уже в эту ночь» [37, с. 382]. Звездочка «вытягивает» Смешного человека из болота равнодушия: «я совсем перестал тогда думать: мне было все равно» [37, с. 381]. Звездочка пробуждает Смешного человека, заставляет задуматься, мыслить: «А почему звездочка дала мне мысль – не знаю» [37, с. 382]. Противопоставление («перестал

думать» / «дала мысль») указывает на то, что во внутреннем мире героя происходят изменения: он выходит из равнодушно-сонного состояния, решается на действия. Из дальнейшего повествования мы узнаем, что звездочка – это та самая планета, куда попадает герой во сне, и где он преобразуется: «Я помню, что вдруг увидел в темноте одну звездочку» [37, с. 387], «– Но если это – солнце, если это совершенно такое же солнце, как наше, – вскричал я, – то где же земля? – и мой спутник указал мне на звездочку...» [37, с. 388]. Таким образом, лексема звездочка указывает на изменение психологического состояния Смешного человека. С помощью уменьшительно-ласкательного суффикса -очк- передается эмоциональное состояние повествователя и его отношение к звездочке. Следует отметить, что повествование ведется от лица главного героя, который ретроспективно рассматривает произошедшие с ним события. Из вышесказанного можно заключить, что Смешной человек благодарен звездочке за изменения жизни в лучшую сторону. Образы звездочки и девочки являются ключевыми в рассказе, они предстают перед нами как «чрезвычайно богатые и объединяемые единицы информации, которые передают всю свою информацию сразу» [118, с. 38], духовное преображение героя начинается именно с них.

Лексема «листочки» появляется в тексте лишь однажды, когда Смешной человек оказывается на планете, так похожей на Землю, но на ней люди не знают греха. Здесь впервые герою удается почувствовать вселенскую любовь: «...казалось, всюду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым наконец торжеством. Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало их с любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокие, прекрасные деревья стояли во всей роскоши своего цвета, а бесчисленные листочки их, я убежден в том, приветствовали меня тихим, ласковым своим шумом и как бы выговаривали какие-то слова любви» [37, с. 389]. Именно здесь он узнает, что разум и сердце людские могут существовать в гармонии: «Лица их (жителей планеты) сияли разумом и

каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием, но лица эти были веселы; в словах и голосах этих людей звучала детская радость» [37, с. 389]. В этом мире Смешной человек впервые не чувствует себя смешным и униженным, здесь он становится любимым: «ощущение любви этих невинных и прекрасных людей осталось во мне навеки» [37, с. 390].

В исследованиях А. Б. Пеньковского отмечено, что в русском языке существует семантическая категория «чуждости», которая представляет собой отражение «фундаментального семиотического принципа членения универсума на два мира – «свой» и «чужой», интерпретируемых в аксеологическом плане в виде оппозиций «хороший» – «плохой» [77, с. 54]. Думается, что значение положительной оценки, которое придает лексеме листочки уменьшительно-ласкательный суффикс -очк- можно считать средством включения в мир, близкий, родственный герою. С помощью уменьшительно-ласкательных форм (листочки, птички, крылышками) герой передает свое отношение к миру, в котором он оказался: он принимает этот мир. Таким образом, уменьшительно-ласкательный суффикс -очк- организует ключевую лексику в тексте повествования Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека», уменьшительно-ласкательные формы позволяют передать процесс пробуждения мыслей и чувств героя («звездочка»), раскрыть его сердце («девочка», «в платочке», «мамочка»), понять сопричастность героя к идеальной картине мира.

Выводы по второй главе

Благодаря трудам И. А. Паперно, Н. Н. Наседкина, Г. А. Склеинис, В. С. Ефремова, А. В. Лесевицкого и других ученых была исследована суицидальная тематика творчества Ф. М. Достоевского.

Осмысление суицидального поведения и условий жизни героев-самоубийц «великого пятикнижия» Ф. М. Достоевского и главного героя рассказа «Сон смешного человека» позволило выявить причины, побудившие

героев покончить с собой, определить «путь спасения», указанный Ф. М. Достоевским в рассказе «Сон смешного человека».

Одной из причин суицида является проблема ума и сердца героя рассказа «Сон смешного человека», эта причина стала определяющей и в других произведениях Ф. М. Достоевского. Противостояние сердца (органа чувств) и ума (рациональности) вносит душевный надрыв в жизнь героев.

Семантико-стилистический анализ текста позволил выявить определяющие языковые средства, которые указывают на особенности душевных переживаний персонажа.

Художественный текст служит одним из способов осмысления проблем, которые волнуют общество. Семантический анализ лексем, включенных в семантическое пространство самоубийства (проведенный на примере художественных произведений Ф.М. Достоевского), можно применять в комплексной психолого-лингвистической экспертизе художественных и иных текстов, имеющих суицидальный характер.

Глава 3 Лингвистическая экспертиза текстов в рамках расследования преступления, связанного с доведением до самоубийства

3.1 Обзор научного осмысления проблемы подросткового суицида

В настоящее время общение в интернете несовершеннолетних на тему добровольного расставания с жизнью представляет собой актуальную юридическую, социальную, психологическую, лингвистическую проблему, которая понимается как крайне опасная тема, к которой привлечено внимание подростков. Эта проблема рассматривается в разных аспектах.

Например, Н. Ю. Дендоуми, Ю. П. Денисов указывают на распространение «суицидального контента» в русскоязычном Интернете [31], ученые Е. А. Зорина и Л. Г. Агеева анализируют роль социальных сетей в детских и подростковых суицидах в эпоху Интернета [45].

Ученые М. А. Ментюкова и М. М. Дубровина описывают как развивается уголовная ответственность за доведение лиц до самоубийства при помощи сети Интернет [65]. Г. А. Пантюхина указывает на проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел, которые связаны с суицидальными действиями в социальных сетях лиц, не достигших совершеннолетнего возраста [75]. К. В. Агамиров рассуждает о пропаганде суицида как новом составе преступления [1]. М. Г. Зенина обращает внимание на особенности противодействия преступлениям, связанных с доведением до самоубийства несовершеннолетних с использованием современных информационно-коммуникационных технологий [44].

О необходимости принимать меры предупреждения преступлений против несовершеннолетних рассуждает П. В. Жестеров [43], в исследованиях К. А. Красновой и Д. И. Ережипалиева подняты вопросы противодействия кибербуллице как средству предупреждения суицидов несовершеннолетних [5817]. Е. Н. Булычев, А. Ф. Ситдикова подчеркивают, что крайне необходимо

установить уголовную ответственность за пропаганду и популяризацию самоубийств среди несовершеннолетних [19].

М. А. Алиева предлагает психологам, социальным работникам, педагогам практический материал для работы с трудными подростками в методическом пособии «Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция» (Барнаул 2014). Н. В. Говорин, А. В. Сахаров в монографии, посвященной исследованию типологии и факторной обусловленности суицида, рассуждают о факторах риска и помощи населению [28]. Н. Б. Пальчик, Д. В. Юрков, Е. Ю. Коновалова, О. В. Махова дают методические рекомендации, которые раскрывают особенность построения системы профилактики подросткового суицида, в том числе модель кризисной службы, как одного из звеньев данной системы [73].

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций дает рекомендации журналистам СМИ о теме суицида. Во-первых, не рекомендовано давать сообщения о самоубийстве на первой полосе издания, во-вторых, сообщать широкому читателю информацию о социально-психологических причинах такого факта крайне избирательно, в-третьих, избегать использовать лексику суицида в заголовках [80].

Об особенностях психологической экспертизы при расследовании суицида пишет Я. Ю. Соболева [88]. Исследователь К. В. Сыроквашина дает характеристику психологическому анализу в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних [97].

М. А. Мороз рассматривает особенности лингвистической экспертизы текстов суицидальной направленности с опорой на публикации сообществ социальной сети «ВКонтакте» – «киты умирают в лужах бензина» (<https://vk.com/dobroeuytrokakdela>) [66]. В этой работе автор отмечает этапы речевого манипулирования, применяемые создателями группы. Первым этапом является сбор информации об адресате, и в случае с сообществом

«киты умирают в лужах бензина» в роли адресата выступает подростковая аудитория. Следующий этап – обнаружение / формирование мишеней воздействия – подразумевает определение «уязвимых мест» в сознании подростков и их использование в качестве мишеней воздействия. Третий этап – этап аттракции – заключается в том, что адресант делает свой коммуникативный посыл, побуждающий к действию, наиболее привлекательным для адресата при помощи определенной подачи сообщения. Этап четвертый – понуждение адресата к действию – содержит призыв (в прямой или косвенной форме) или любые другие формы лингвокогнитивного воздействия. Последний этап манипулирования становится выигрыш инициатора воздействия.

Исследуя записи, представленные в сообществе, М. А. Мороз отмечает, что вербальный компонент креолизованных текстов может быть выражен: частью сложносочиненного предложения с союзом «а» («Моя жизнь плохая, а для самоубийства мне не хватает смелости»), диалогом («Вы часто себя ненавидите? Постоянно»), предложением «Я очень жду своей смерти», сложносочиненными предложениями с противительной связью («Шагнул под автобус, но он меня объехал»).

Все вышеуказанные примеры содержат общую апперцепционную базу, под которой подразумевается информация, сводящаяся к сложной жизненной, психологической ситуации, которая выражается в проявлении основных проблем – мишеней воздействия, о которых говорилось выше.

Таким образом, основная задача интернет-сообществ такого рода заключается в том, чтобы привлечь внимание целевой аудитории – носителей общей апперцепционной базы, а также реализовать общую категориальную установку «Моя жизнь плохая» в материалах интернет-коммуникации.

3.2 Определение лингвистической экспертизы

Судебная лингвистическая экспертиза определяется как «процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и (или) письменного текста, завершающееся дачей письменного заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении» [82, с. 340]. Предметом данной судебной экспертизы может являться установление обстоятельств и фактов по конкретному делу, подлежащих доказыванию.

В некоторых случаях сфера лингвистических экспертиз выходит за рамки «юрислингвистики» и «правовой лингвистики». В качестве примера можно привести лингвистическую экспертизу товарного знака или автороведческую экспертизу, которая устанавливает авторство текста. Данные виды экспертиз зачастую не предусматривают судебное разбирательство. В таких случаях термин «экспертиза» следует понимать, как «зафиксированное в той или иной форме... мнение лингвиста о тех или иных языковых феноменах» [10, с. 11].

Лингвистическая экспертиза может классифицироваться по различным параметрам. По формальному параметру различают официальные и инициативные лингвистические экспертизы. Официальные выполняются по постановлению суда, такие экспертизы имеют статус доказательств. Инициативные же выполняются по инициативе физических или юридических лиц, заинтересованных в этом, и могут являться правомерным доказательством только в случае признания их судом или органами дознания. Инициативные экспертизы также могут быть названы заключением специалиста. По количеству экспертов лингвистические экспертизы разделяются на комиссионные и неkomиссионные. Над комиссионными экспертизами работают несколько экспертов, неkomиссионные выполняются только одним экспертом. Кроме того, по объекту лингвистических экспертиз различаются экспертизы звучащей речи, в которых исследованию подлежат

акустические характеристики звучащей речи, и экспертизы письменного текста.

Деятельность лингвиста-эксперта регулируется законодательно – ФЗ № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Причем его юрисдикция распространяется как на экспертов, работающих в государственных учреждениях, так и на высококвалифицированных специалистов, которые, работая в вузах, в академических институтах, в индустриях, привлекаются к выполнению экспертиз благодаря своим познаниям. В теории судебной экспертизы сформулированы общие принципы допустимости методов: «законность и этичность, научность, точность, надежность, безопасность, эффективность и воспроизводимость» [82].

3.3 Методологические основания лингвистической экспертизы текстов суицидального характера

Проблему суицида в Уголовном Кодексе Российской Федерации регламентируют три статьи: Статья 110 Доведение до самоубийства, Статья 110.1. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства и Статья 110.2. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. В соответствии с первой статьей к уголовной ответственности привлекаются граждане, доведшие кого-либо да самоубийства «путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства» (Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06. 1996. №63-ФЗ, ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017, ст. 110). С помощью языковых средств в данной статье могут быть выражены угрозы и унижение человеческого достоинства, именно они являются предметом исследования эксперта-лингвокриминалиста.

В Статье 110.1. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства наказание предусмотрено за «склонение к

совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана» (Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06. 1996. №63-ФЗ, ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017, ст. 110.1), а также за «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации» (Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06. 1996. №63-ФЗ, ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017, ст. 110.1). Данные действия являются действиями вербального характера и также входят в компетенцию экспертов-лингвистов-криминалистов.

В соответствии со Статьей 110.2. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства противоправным является «побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывы к совершению самоубийства» (Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06. 1996. №63-ФЗ, ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017, ст. 110.2). В случае если совершение вышеперечисленных деяний сопряжено с «публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» (Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06. 1996. №63-ФЗ, ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017, ст. 110.2), наказание может стать более суровым. Наличие состава преступления в вышеперечисленных деяниях также определяется лингвистической экспертизой.

Лингвистические экспертизы проводятся исключительно в соответствии с методиками анализа текста, получившими рекомендации от экспертно-консультативного совета «Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)».

При проведении лингвистической экспертизы спорных текстов суицидального характера была поставлена *экспертная задача*: исследовать письменный или устный текст в целях решения вопросов смыслового понимания (в соответствии с Приказом МВД РФ от 29 июня 2005 года №511

«Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»).

Объект исследования выступили тексты в социальных сетях.

Перед экспертом-лингвистом могут быть поставлены следующие *вопросы*:

а) Имеются ли в представленном тексте речевые (вербальные) и/или неречевые (фото/видеоизображения) компоненты, имеющие отношение к теме суицида? Если да, то в какой форме это выражено?

б) Содержатся ли в материале признаки побуждения к совершению самоубийства, выраженные языковыми средствами? (Присутствует ли в представленном тексте склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом? Если да, то какие именно действия присутствуют? Подтверждается ли это фрагментами речи? Какими именно?).

в) Какова степень участия коммуникантов в представленном тексте переписки? Кто из участников является инициатором обсуждения темы, отраженной в тексте?

г) Имеются ли в представленном тексте речевые (вербальные) и/или неречевые (фото/видеоизображения) средства, достоверно указывающие или позволяющие допустить возможные способы совершения суицида?

Цель исследования: выявить в тексте и оценить лингвистические признаки различных уровней (фонетического, морфологического, лексического, синтаксического, текстового), определить, как эти признаки характеризуют компоненты текста (денотативный, иллокутивный, оценочный, экстралингвистический), а также провести диагностику признаков, которые характеризуют коммуникативную ситуацию создания и воспроизведения текста. Для чего следует воспользоваться следующими *методами* (выбор методов определен характером исследуемых текстов):

а) метод компонентного анализа, который позволяет определить семный состав слова;

б) методы лексико-семантического и семантико-синтаксического анализов, благодаря которым выявляется значение слов, словосочетаний и предложений в тексте;

в) метод концептуального анализа позволяет определить вербальных представителей ключевого понятия, что способствует интерпретации смысла текста;

г) метод анализа структурной организации текста способствует выявлению и описанию структурных единиц текста, а также их границ и способов оформления;

д) метод анализа коммуникативной организации текста позволяет провести актуальное членение текста, определить тема-рематическая структура какого типа представлена в тексте, проанализировать тематическую прогрессию и иерархическую сопряженность тематических блоков, а также определить тип коммуникативного регистра;

е) метод анализа пресуппозиций выявляет общий компонент знаний для адресата речи;

ж) метод анализа пропозиций помогает выявить в семантической структуре предложения логическую основу, кроме того, позволяет провести анализ пропозициональных установок;

з) метод контент-анализа дает количественную оценку содержания коммуникативных единиц. Если используется мягкий вариант контент анализа, следует учитывать имплицитные вхождения единиц коммуникации, а также их оценочную составляющую, которая может быть отрицательной, положительной или же нейтральной;

и) метод лингвостилистического анализа стилистических ресурсов позволяет определить языковые единицы, которые передают разные коннотации в процессе реализации в определенном тексте;

к) метод функционально-стилистического анализа определяет в обобщенном виде функционально-стилевую принадлежность текста, выявляет функционально-стилевые характеристики речи коммуникантов и устанавливает обусловленность текста сферой речевого общения;

л) метод функционально-прагматического анализа определяет тип речевого акта и иллокутивную функцию высказывания;

м) метод грамматического анализа предложений, составляющих семантико-синтаксическую структуру высказывания, позволяет определить грамматическое значение на синтаксическом и морфологическом уровне [99].

Понятийный аппарат исследования. Ответы на поставленные вопросы требуют введения ряда теоретических обоснований, выбор которых определен характером анализируемых текстов.

Определение основных понятий дано с опорой на лингвистические, толковые словари русского языка и специальные исследования.

Воздействующая функция речи – одна из основных функций речи, связанная со стремлением автора убедить в правоте высказанной мысли... Воздействующая функция речи обуславливает появление таких стилиевых черт, как: подчеркнутая логичность, доказательность [42, с. 62].

Действие – факт, то есть обстоятельство, влекущее за собой возникновение, изменение, охранение или прекращение права, (действие) является результатом человеческой воли. Юридическое действие отличается от обыкновенного действия или поступка тем, что вызывает юридические последствия, то есть отражается каким-либо образом на правах. Поэтому любой поступок может стать юридическим действием, если коснется сферы права [21, с. 99].

Интернет-коммуникация – это общение в особой (глобальной электронной) среде, возникшей вследствие объединения персональных компьютеров в единую сеть и обеспечивающей высокоскоростное прохождение информационных потоков. Под сетевой компьютерной (виртуальной) средой коммуникации мы понимаем особое коммуникационное

пространство, образуемое устойчивой совокупностью определенных экстралингвистических условий и факторов коммуникации, производных от технических мультилинейных средств (каналов) связи; в этом пространстве происходит реализация и определенная трансформация уже существующих в распоряжении социума форм, видов, кодов коммуникации, а также становится возможным возникновение, закрепление и распространение инновационных способов коммуникации, постоянно пополняющих и видоизменяющих сенсорный, ментальный, социопсихологический, социокультурный, коммуникативный опыт языкового социума [102, с. 60].

Коммуникативная установка (коммуникативное намерение) – цель говорящего, пишущего. При создании художественного произведения (в том числе и публицистического) коммуникативная установка реализуется в замысле автора, замысел не имеет отношения к умыслу [74, с. 27].

Контекстный анализ – анализ части через целое, когда единицами выступают речевые (реже языковые единицы), более широкие, чем сама единица. Контекстный анализ часто используется при семантическом анализе слов [42, с. 164].

Косвенный призыв – призыв, который требует от слушателя или читателя мыслительной реконструкции скрытого смысла высказывания, то есть осуществления определенной мыслительной операции по пониманию смысла призыва. Косвенное выражение призывов ... осуществляется через намек [96, с. 261].

Манипуляция – способ действий, когда вы сознательно скрываете от человека достоверную информацию или представляете ее в искаженном виде, чтобы добиться своих целей [32, с. 564].

Обман – в гражданском праве умышленное введение в заблуждение одной стороной сделки другой ее стороны с целью совершения сделки. Обман может относиться как к элементам самой сделки, так и к обстоятельствам, находящимся за ее пределами, в том числе к мотивам, если они имели значение

для формирования воли участника сделки. Обман может выражаться как в совершении действий, так и в бездействии [114].

Письменные тексты – письменные произведения, представляющие собой единство некоторого более или менее завершенного содержания и речи, формирующей и выражающей это содержание. Текст обладает синтаксической структурой, использует единицы языка по определенным правилам [42, с. 394].

Побуждение – желание или намерение сделать что-либо [Евгеньева 1999: 154].

Поддержка – 1. Предоставление того, что другому необходимо; 2. обеспечение комфорта, признания, одобрения, подбадривания другому человеку; 3. рефлексия отношения человека с людьми из близкого окружения, сопереживающими и оказывающими ему реальную помощь [16, с. 664].

Подкуп – ситуация, когда кто-либо добивается чьего-либо расположения, решения в свою пользу и т.п. при помощи денег, подарков и т.п. [32, с. 903].

Поликодовый текст – текст, в котором использована не только словесная речь, но и другие способы передачи информации: рисунки, фотографии, кинолента, музыкальный и шумовой ряд, реальные предметы [64, с. 320].

Последовательный образ – зрительные ощущения, сохраняющиеся в течение некоторого, обычно непродолжительного, времени после прекращения действия оптического раздражителя [51, с. 252].

Предложение – синтаксическая единица, средство формирования, выражения и сообщения мысли, передачи эмоций и волеизъявления. В нем сочетаются разные функции: коммуникативная, прагматическая и номинативная [42, с. 275].

Призыв – побуждение слушающего или аудитории к определенному действию или принятию определенной точки зрения, отражающей некоторые идеалы говорящего. Призывы выражают побуждение, являются

разновидностью речевого акта побуждения. Характерной чертой призыва является то, что в отличие от обычных побуждений, призыв не требует немедленного выполнения и является некоторой рекомендацией к поведению [96, с. 283].

Прямой призыв – прямой призыв выражается через прямое значение составляющих высказывание слов, использование формальных языковых маркеров призыва. Они требуют от адресата простого понимания смысла высказывания [96, с. 284].

Смысловая доминанта текста – один из членов синонимического ряда, избираемый в качестве представителя главного значения, подчиняющего все дополнительные (созначения) и господствующего над ними [7, с. 391].

Совет – наставление, указание как поступить в том или ином случае [41].

Суицид – (suicidium; от лат. sui – себя, caedo – убивать) – умышленно лишение себя жизни, самоубийство [111, с. 169].

Суицидальная попытка – действие с нефатальным результатом, когда индивид намерено с целью изменения ситуации начинает необычное поведение, посредством которого без вмешательства других вызывает самоповреждение [117, с. 3]

Суицидальные мысли – мысли, связанные с навязчивой сверхценной или бредовой идеей самоубийства и о способах его осуществления [111, с. 170].

Уговор – 1. Процесс действия по гл. уговариваться; 1. Результат такого действия; взаимное соглашение, договоренность относительно чего-либо [41].

Угроза – вид неправомерного поведения, которое является запрещенным. Это способ действия, используемый в целях оказания психологического давления на объект угрозы. Угроза может быть вербальной и невербальной, может иметь как устную, так и письменную формы, высказываться непосредственно, а также при помощи третьих лиц [96, с. 293].

Указание – 1. Процесс действия по гл. указывать; 2. Результат такого действия; инструкция, наставление, совет [41].

Шантаж – запугивание, угроза разглашения позорящих, компрометирующих сведений с определенной целью. По УК РФ шантаж не образует состава самостоятельного преступного деяния, но может являться способом совершения некоторых преступлений [114].

Чтобы решить поставленные задачи, при проведении лингвистической экспертизы письменные тексты исследуются в различных аспектах:

- информация о ситуациях и событиях (в качестве предмета анализа в данном случае выступает денотативный компонент текста);

- оценочные характеристики лица / группы лиц, или же действий и свойств лица / группы лиц (предметом анализа является оценочный компонент текста);

- в качестве речевого акта (предметом анализа выступает иллокутивный компонент текста) [99].

3.4 Научно-методическая литература по судебной лингвистической экспертизе

Проведение исследования текстов суицидальной направленности проводилось с опорой на следующие *теоретические источники*.

Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Юридическое изд-во «Норма», 2009. 480 с.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта; Наука, 2007. 592 с.

Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Труды первой Интернет-конференции «Право как дискурс, текст и слово», 2010. URL: <http://lawlibrary.ru/article2352255.html/> (дата обращения 02.05.2021).

Бельчиков Ю.А, Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические материалы по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М. : Информкнига, 2010. 208 с.

Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М. : Либерком, 2012. 195 с.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : АлтГПА, 2009. 252 с.

Грачёв М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2016. 360 с.

Ейгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореца. Ч.1. М., 1974. С. 103-109.

Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. М.В. Горбаневского. М. : Юридический Мир, 2006. 112 с.

Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации. М. : Либроком, 2013. 254 с.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М.В. Горбаневского. М. : Медея, 2004. 104 с.

Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы // Психология и право, 2017. Том. 7. № 2. С. 33-45.

Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Высшая школа, 1990. С. 180-186.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Кварта, 2001. 252 с.

Стернин И.А. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы : справочное пособие. Ярославль : Изд-во «Канцлер», 2013. 80 с.

Стернин И.А. Проблема скрытых смыслов в лингвистической экспертизе. URL: <https://docplayer.ru/29818432-I-a-sternin-problema-skrytyh-smyslov-v-lingvisticheskoy-ekspertize.html/> (дата обращения 02.05.2021).

Судебная экспертиза: типовые ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Проспект, 2015. 544 с.

Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Изд-во Юрайт, 2011. 535 с.

Типовая методика лингвистической экспертизы. М. : ЭКЦ МВД России, 2009. 80 с.

Цена слова : из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. М. : Галерея, 2002. 335 с.

Шурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации Научный диалог. № 3. Филология. Екатеринбург, 2012. С. 160-172.

Словарные издания:

Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М. : ПАИМС, 1994. 192 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 02.05.2021).

Зугумов З.М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. М. : Книжный мир, 2015. 728 с.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М. : Астрель, 2003. 1021 с.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО-Пресс, 2006. URL: <https://academic.ru/> (дата обращения 02.05.2021).

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., дополненное. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авторы-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М. : Края Москвы, 1992. 525 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Наука: Флинта, 2003. 694 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М. : Эксмо, 2007. 1131 с.

Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. Т.1 А-Н. СПб., 2017; Т 2. О-Я. СПб., 2017.

3.5 Лингвистическая экспертиза спорного текста

В настоящем исследовании поднята проблема лингвистической экспертизы художественного произведения. Трудность анализа состоит в неоднозначной интерпретации текста. Художественные произведения для подростков, в которых суицид рассматривается с положительной и романтической точек зрения, можно отнести к «бессердечной» литературе, поскольку они имеют заразительный характер и опасны для духовно и социально неокрепшей личности. Лингвистический анализ произведения Стейс Крамер «50 дней до моего самоубийства» выявил признаки, которые формируют положительный образ суицида.

Перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

а) Содержится ли в данном произведении высказывания, в которых дается положительная оценка суицидальным действиям?

б) Имеются ли в данном произведении высказывания, направленные на пропаганду идей суицида?

в) Содержатся ли в данном произведении призывы к совершению

суицидальных действий и самоубийству?

г) Содержатся ли в данном произведении советы, указания или предложения по совершению суицидальных действий и самоубийств?

При ответах на поставленные вопросы в пределах своей компетенции эксперт руководствовался следующими положениями и дефинициями.

Понятийный аппарат исследования.

Сведения (информация) – совокупность высказываний, облеченных в текстовую форму, о мире, о событиях, и положения дел, об отношениях отправителя информации к этим событиям. За пределами данного понятия остаются высказывания, направленные на изменение положения дел в мире (приказы, иные распорядительные документы) (Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. Изд. III. М., 2002, с. 200).

Оценка -и, ж. 1. Действие по знач. глаг. оценить – оценивать. Оценка имущества. Оценка знаний учащихся... 2. Мнение, суждение о качестве, достоинстве, значении и т. п. кого-л., чего-л. Положительная оценка. Дать оценку чему-л... 3. Принятое обозначение степени знаний и поведения учащихся; отметка. Получить хорошую оценку за сочинение. (Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984).

Оценка фактов, событий, лиц. Оценка в тексте связана с выражением оценочной информации (отношения субъекта оценки (журналиста или любого другого человека) к оцениваемому предмету) и распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, модальных, в значении которых можно выделить элементы «хороший/плохой». Оценка – это сфера проявления субъективного начала в деятельности человека, в его познании и словесном отображении мира. В оценочных высказываниях информация складывается (формируется автором и понимается его собеседником, его аудиторией) из двух основных компонентов: к объективной дескриптивной (описательной,

констатирующей) информации прибавляется субъективная информация об отношении этого автора к тому, о чем и как он говорит, то есть оценка. Для каждого человека она имеет статус субъективной истины. Поэтому оценочные суждения как таковые и не подвергаются верификации – проверке на соответствие действительности (т. е. на объективную истину). Оценки выносятся на основании существующей в обществе культурно специфической системы ценностей и стереотипов, они встроены в определенную картину мира и в свою очередь характеризуют ее. Оценка имеет как эксплицитные (словесно выраженные), так и имплицитные формы.

При наличии положительной оценки (элемент «хороший») может идти речь о позитивной информации. При наличии отрицательной оценки (элемент «плохой») можно вести речь о негативной информации. Контексты оценки также относятся к разновидностям контекстов мнений, выражающим субъективную истину, и не могут быть подвергнуты верификации (проверке на истинность и ложность). Однако необходимо учитывать тот факт, что в языковых оценочных структурах, кроме субъективных (оценочных) компонентов, могут содержаться и объективные (дескриптивные, описательные) компоненты, которые находятся в сложном взаимодействии.

В соответствии с этим необходимо различать следующие категории оценочных слов и выражений: 1) общеоценочные слова и выражения, содержащие только оценочный (субъективный) компонент (например, *хороший, отличный, отвратительный, скверный* и т. д.), основная цель которых – выражение оценки (субъективного отношения к предмету речи), и 2) частнооценочные слова и выражения, содержащие, наряду с оценочным, дескриптивный компонент (описательный, констатирующий), отражающий свойства предметов (например, *усердный, нахальный, глупый* и др.); в таких словах оценочный и дескриптивный компоненты совмещаются, поскольку цель таких слов не только выразить отношение к предмету речи, но и передать информацию о его свойствах.

О выделении особой группы суждений – оценочных с фактической ссылкой – пишут и Г.М. Резник и К.И. Скловский в работе «Честь. Достоинство. Деловая репутация: Споры с участием СМИ» (М., 2006, с.10-20), приводя в качестве примера высказывание «*судя по отзывам, N. – плохой специалист*» (данная фраза будет обладать исковой силой, поскольку факт существования нелицезненных отзывов может быть проверен). Как пишут данные авторы, «ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека) последовательно ориентирует национальные суды на необходимость устанавливать фактическую составляющую оценочного суждения как необходимого условия признания диффамации» (Указ соч., с. 12). Об этом же пишет и известный специалист в области языковой оценки Е.М. Вольф: «Присутствие в оценке дескриптивного фактора, отражающего объективные свойства предметов и событий, заставило предположить, что утверждение о том, что оценки не являются истинными, ни ложными, нуждается в пересмотре» (Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2009, с. 35). В этой связи необходимо говорить о том, что дескриптивный компонент в слове, отражающий свойства предмета или события, может быть подвергнут процедуре верификации (проверке на истинность).

Пропаганда, -ы, ж. Распространение и углублённое разъяснение каких-н. идей, учения, знаний (Словарь русского языка С.И.Ожегова, 2007).

Пропаганда, -ы; ж.(...) 1. Распространение и углублённое разъяснение каких-л. идей, учения, знаний среди широких масс населения или специалистов. *Научно-техническая п. П. физкультуры и спорта.* 2. Политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; органы и средства такого воздействия. *Буржуазная п. Агитация и п. Вести пропаганду* (...) (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

Пропаганда ж. - Распространение в обществе каких-л. идей, воззрений, знаний путем постоянного глубокого и детального их разъяснения. Сайт «Грамота.ру» (12.12.2008)

Призыв, -а; м. – 1. к Призвать – призывать (1, 3 зн.). *П.* на военную службу. *П.* к порядку. 2. Звуки, слова, которыми приказывают, зовут для чего-л. *Услышать п.* *Откликнуться на п.* Собака услышала *п.* хозяина. // Просьба, мольба. *П.* о помощи. *Тревожный п.* *Реагировать на крики и призывы.* 3. Обращение, в краткой форме выражающее политические требования; лозунг. *Первомайские призывы.* 4. *соби́р.* Лица определённого возраста, одновременно призванные на военную службу. *Увольнение в запас призыва позапрошлого года.* < Призывный, -ая, -ое (2 зн.). *П.* крик, стон. *П.* голос. Призывно, нареч. (2 зн.). *П.* звучать (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

Совет, -а; м. – 1. Высказанное кем-л. кому-л. предложение, мнение, как поступить. *Хороший, полезный, дельный, своевременный с.* *С. врача.* *Дать с., как поступить.* *Последовать чьему-л. совету.* *Нуждаться в совете.* *За советом обратиться к кому-л.* *К совету кого-л. прислушаться.* *По совету кого-л. сделать что-л.* 2. Совместное обсуждение чего-л.; совещание. *Семейный с.* *Собрать, созвать с.* *Держать с.* (совместно обсуждать что-л., советоваться, совещаться) (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

Утверждение – это мысль, положение, высказывание, утверждающее - либо (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007). В логике содержится следующее определение утверждения = утвердительного суждения: это суждение, в котором отображается связь предмета и его признаков (Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975).

Утверждение – это высказывание, в котором информация о факте (положении дел) или действиях какого-либо лица (событии) дается в словесной форме, в группе сказуемого и понимается аудиторией как важная, новая. Она подается как отображающая положение дел, которое не зависит от восприятия, осмысления, отношения автора. Грамматически утверждение о факте или событии отображается через показатели объективной модальности (в форме изъявительного наклонения) и распознается в тексте по отсутствию

маркеров субъективной модальности, оценочных слов и конструкций и иных показателей, выражающих неуверенность, сомнение автора в достоверности сообщаемого. Утвердительное суждение грамматически выражается формой повествовательного двусоставного предложения – как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждение может содержать конструкции, подчеркивающие достоверность сообщаемого (например, *известно, доподлинно, точно, фактически* и т.д.).

Мнение – суждение, выражающее оценку чего-н., отношение к кому-чему н., взгляд на что-н. (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 2003).

Мнение, в отличие от утверждения, не может быть истинным или ложным, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Мнение и сведения. Каково соотношение мнения и информации (сведений)? Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, не основанном на фактах.

Человек может формировать свое мнение сознательно, рационально оценивая факты, или бессознательно, не отдавая отчета в том, почему он так считает. Изложение мнения (устно или письменно), в отличие от высказывания о фактах, предполагает явное указание на носителя мнения. Ср.: *Сидоров уехал* – констатация факта. А высказывания (1) *Я думаю, Сидоров уехал* и (2) *Как думает начальник, Сидоров уехал* – выражают мнения: в первом случае это мнение самого говорящего (Я думаю), во втором случае – мнение начальника (Как думает начальник). Мнение содержит информацию, но не о самой действительности (фактах), а о том, какой образ действительности есть у говорящего. Важно при этом заметить, что в высказывания-мнения очень часто вставляются (обычно скрытые) утверждения о фактах. Например: *Я считаю, что Сидоров - лежебока, потому он опоздал* – в этом высказывании-мнении содержится оценочное суждение (*Сидоров – лежебока*). Внутри этого суждения делается ссылка на якобы

имевший место факт «Сидоров опоздал», истинность которого не обсуждается в силу общеизвестности или очевидности.

Грамматической формой выражения мнения являются, прежде всего, сложноподчиненные предложения или предложения, осложненные вставными, в которых используются глаголы мыслительной деятельности и именные предикаты со значением мнения: *считать, полагать, думать, казаться, уверен, убежден* и др., а также вводно-модальные конструкции *по мнению специалистов, по моему мнению* и подобные.

Мнение может опираться на факты, этим оно отличается от домысла, и содержать оценку фактов и их комментариев, в этом его отличие от знания (Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 352).

Мнение и сведение не являются однопорядковыми понятиями. Информация, распространенная автором, основанная на его собственных предположениях, мнении, субъективной оценке, убеждении может содержать негативные характеристики, но не может быть проверена на соответствие действительности.

Предположение в отличие от утверждения о факте содержит специальные маркеры – слова, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, *может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается* и т. п.). Предположение по сути является одной из форм выражения мнения (лингвисты считают, что сфера мнения объединяет два типа смыслов, которые дифференцированы соответственно в два разряда – *мнение-предположение* и *мнение-оценку*), когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности. Лингвисты относят предположение к разновидности контекста мнения (т. наз. мнение-предположение).

Внушение – это способ влияния, основанный на психическом воздействии при некритичном восприятии индивидом информации. Процесс внушения, в отличие от убеждения, проходит без анализа поступающих

сведений, минуя когнитивный аппарат и, нередко, здравый смысл. Внушение позволяет занести «неотфильтрованные» адресатом идеи напрямую в его сознание в обход логики и, поэтому, является наиболее эффективным механизмом влияния, к которому чаще всего прибегают манипуляторы. Результатом успешного внушения может стать изменение или зарождение у человека определённого отношения, чувства, либо совершение поступков, непосредственно не следующих из принимаемых им норм и принципов деятельности, причем, сам объект внушения не замечает ни факта внушения, ни самих изменений.

Заражение – бессознательная передача эмоционального состояния от одного индивида (или группы) другому (или группе) на психофизиологическом уровне дополнительно к смысловому воздействию. Воздействие заражением базируется на общем переживании группой людей одних и тех же эмоций и на подверженности людей определённым состояниям, воспринимаемым извне на психофизическом уровне коммуникации.

Указание, -я; ср. - 1. к Указать. Служить для указания направления маршрута. У. ошибок. Нуждаться в указании адреса. 2. Сообщение, свидетельство о чём-л. В книге есть у. на источники. Обнаружить указания на приход весны. Нет указаний о прилёте самолёта. 3. Совет, замечание, разъясняющие что-л., указывающие, как действовать. Получить ценные указания. Воспользоваться чьими-л. указаниями. Принять к исполнению чьи-л. указания. Дать указания на завтра. // Повеление, исходящее от каких-л. сверхъестественных сил. Божье у. У. свыше. По указанию Господа (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

Предложение, -я; ср. 1. к Предложить. П. помощи. П. услуг. П. перемирия. 2. То, что предложено, предлагается. Высказать, поддержать, принять, отклонить п. Согласиться, обратиться с предложением. Возражать против какого-л. предложения. Обрадоваться предложению. Интересное, сомнительное, конкретное п. Есть предложение искупаться. П. участвовать в

спектакле. У меня к вам п. Получить п. о помощи. В президиум поступило п.: поставить вопрос на голосование. Рационализаторское п. (изложение способа усовершенствования производственного процесса, какого-л. механизма и т.п.) (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

2. *Предложение*, -я; ср. – 1. *Лингв.* Высказывание, являющееся сообщением о чём-л. *Простое п.* *Сложное п.* *Придаточное п.* 2. *Лог.*=Суждение (2 зн.) (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

Самобичевание, -я; ср. - 1. Нанесение самому себе ударов плетью, бичом (обычно в религиозном экстазе). Причинение себе нравственных страданий, раскаяние и обвинение самого себя. Заниматься самобичеванием (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

Суицид, -а; м. [лат. sui – себя, caedes – убийство] Юрид., мед. Самоубийство. Совершить с. < Суицидный, -ая, -ое. Рост суицидных явлений (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

Агитация, -и; ж. [от лат. agitatio – приведение в движение]. 1. Устная или печатная деятельность (отдельных лиц, партий, средств массовой информации и т. п.) по распространению своих взглядов, идей среди населения для формирования определённого общественного мнения, отношения. Революционная а. Наглядная а. Проводить агитацию среди военных. 2. Разг. Деятельность, направленная на то, чтобы убедить кого-л. в чём-л., склонить к чему-л. Не разводи агитацию: всё уже решено! < Агитационный, -ая, -ое. А-ые средства. Агитационность, -и; ж. (Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 2007).

Ответы на вопросы.

Вопрос 1. *Содержатся ли в данном произведении высказывания, в которых дается положительная оценка суицидальных действиям?*

В произведении дается положительная оценка суициду как способу решения проблем. Доказательством служит следующее.

Во-первых, название произведения Стейс Крамер «50 дней до моего самоубийства» определяет тему произведения (самоубийство) и раскрывает его содержание. Заголовок занимает сильную смысловую позицию в тексте, поэтому читатель (подросток), сталкиваясь с какой-то проблемой и путями её решения, с интересом познакомится с содержанием произведения. Такой заголовок выступает как некий призыв, он выполняет рекламную функцию и привлекает внимание читателя. Название содержит констатацию факта, который сообщается от первого лица. Утверждение от первого лица воспринимается читателем как некий опыт, этим опытом автор делится с читателем.

Произведение «50 дней до моего самоубийства» адресовано 16 летним подросткам: главная героиня и большинство её друзей являются молодыми людьми от 16 до 26 лет. Произведение поднимает проблему подростков, которые переживают этап взросления и решения различного рода проблем. Главная героиня произведения в качестве решения проблем выбирает единственное средство: самоубийство (реальное и мнимое).

Во-вторых, в начале произведения присутствует эпиграф, в котором дается положительная оценка самоубийству: *«Мысль о самоубийстве – могучее утешение, с ней проживаешь много трудных ночей. Фридрих Ницше»*. В данном случае слово утешение означает результат действия, которое дает успокоение или отраду (Утешение - 1. Процесс действия по глаголу утешать, утешить. 2. Результат такого действия; то, что приносит успокоение; отрада, удовольствие. Толковый словарь Ефремовой. Т.Ф. Ефремова, 2000). Глагол связка («есть» опущена) передана в предложении знаком тире и служит утверждению высказывания. Крылатая фраза получает значение настоящего вневременного значения, является авторитетным подтверждением мысли о самоубийстве.

В-третьих, героиня прямо указывает на проблемы, которые заставили её прийти к решению покончить с жизнью. При этом никакие пути решения

проблем не рассматриваются, однозначно принимается только один вариант, как самый лучший – лишения себя жизни.

Проблемы в семье: родители *«ненавидят друг друга... Это одна из причин, почему я решила свести счеты с жизнью»*. Лексический анализ лексем показал, что *ненависть* («чувство сильной вражды, неприязни» [41]) является причиной самоубийства. Подчеркнуто, что ненавидят самые родные люди, *родители* («отец и мать по отношению к детям» [41]). Словосочетание «я решила», состоящее из местоимения 1 лица «я» и глагола совершенного вида прошедшего времени «решила» (решить, т.е. «обдумав, прийти к какому-н. выводу, к необходимости каких-н. действий [70]) указывает на то, что героиня утвердилась в намерении *«свести счеты с жизнью»*, что, в ее понимании, является выходом из тяжелой жизненной ситуации.

Неуверенность героини: *«Еще одна причина моего будущего самоубийства – я Неудачница»*. Причем с большой буквы «Н»; *«Чего не скажешь обо мне. Я – полная противоположность Тезер. У меня русые волосы – у Тезер золотистые. У меня ужасная фигура. Внешность обычная, ничем не примечательная»*; *«каким уродцем я была»*. Лексический анализ лексем показал, что неудачница (неудачник – это «человек, которому не везет, нет удачи; ж.р. неудачница» [70]), в представлении героини, обязательно должна стать самоубийцей. Указано личное местоимение я, использованы аргументы в виде сравнения с подругой (волосы, фигура, внешность), которые также могут стать причиной ухода их жизни. Героиня противопоставляет себя своей подруге, самой популярной девочке в школе, *«Я – полная противоположность Тезер»* (Противоположность – Это «предмет или явление, противоположные другим, не сходные с другими по каким-н. признакам» [70]). Тем самым подчеркивает свою непопулярность у сверстников и утверждает, что это одна из причин покончить с собой.

Отсутствие внимания со стороны молодых людей – *«и это еще одна причина моего планируемого самоубийства – я никогда никому не нравилась»*;

«перед смертью стоило бы поехать в то место, где я пережила первую любовную трагедию».

Условия жизни: *«У меня не дом, а просто тюрьма какая-то, где нельзя ни выпить, ни повеселиться. Это еще одна причина моего будущего самоубийства»* (тюрьма – Это «место, здание или комплекс зданий, где содержатся заключенные [41]), сделан акцент на сопоставлении дом – это тюрьма., использована форма личного местоимения в Род.п. ед.ч. «у меня». Лексический анализ лексем показал, что в собственном доме героиня чувствует себя несвободной, свободу же ей может дать только смерть. Свое мнение героиня выражает в форме утверждения.

Героиня подводит итог всем причинам: *«Из-за матери, которая теперь, по всей видимости, хочет стать другим человеком. Из-за отца, который абсолютно пассивен в этой жизни и лишь изредка интересуется нашей семьей. Из-за подруги, которая вроде бы и не совсем тупая, но делает такие поступки, что и пятилетний ребенок на ее месте так не поступил. Из-за Мэтта, который вроде бы и самоуверенный, но слабохарактерный. Они – мои основные причины для самоубийства».*

Хотя героиня сама понимает, что *«действительно слишком зациклена на своих дурацких проблемах...»* (Зациклиться, т.е. «всецело сосредоточиться на чем-н. одном» [70]), эгоистически считает (активно использовано личное местоимение 1 лица ед.ч. я), что *«Я люблю эту жизнь только тогда, когда меня в ней кто-нибудь полюбит».*

Положительный образ смерти дается при помощи противопоставления. В рассуждениях героини на одной стороне стоят проблемы с родителями, подругой, друзьями – на другой стороне, как единственный выход из проблем, самоубийство: *«Я каждый божий день совершаю убогие поступки, после которых мне еще больше не хочется жить», «я уже искренне позавидовала тем людям, которых утром находят мертвыми»* (завидовать, т.е. «испытывать чувство зависти. Зависть – Чувство досады, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого» [41]).

В-четвертых, решение уйти из жизни получает положительную оценочность у самой героини – используется лексика «рада», «лучше» и т.п. («*я этому рада*») (рад, т.е. «1. О чувстве радости, удовольствия, испытываемом кем-н. от кого-чего-н. 2. Об испытываемой кем-н. охоте, готовности, о чьем-н. желании что-н. сделать» [70], «*Лучше быть закопанной*» (лучше, т.е. «предпочтительнее, вернее» [70], «*смерть – это свобода*», «*смерть – это подарок судьбы*») (выражение «подарок судьбы» означает какое-то крайне благоприятное, удачное стечение обстоятельств, что также является положительной оценкой самоубийства).

Самоубийство как выход из сложившейся ситуации обозначен в начале произведения, и героиня ставит перед собой цель найти причины, которые заставят её полюбить жизнь: «*За эти дни я должна либо найти причины, чтобы полюбить эту жизнь, либо полностью удостовериться в том, что я не зря решила покончить с собой*». Читательское внимание постоянно сосредоточено на теме, обозначенной в названии: описание в дневнике событий каждого дня сопровождается подтверждением правильности сделанного выбора – самоубийство. Записи в дневнике завершаются обязательным напоминанием читателю о том, сколько дней осталось жить героине. Например: «*Я замечаю, что каждый новый день – это еще одна причина для самоубийства. Конечно, смерть не самый лучший выход из всех проблем. Но в моем случае она на первом месте*»; «*осталось жить мне уже не пятьдесят дней, а всего двадцать семь. Уже меньше месяца. Вы даже не представляете, как я этому рада. Лучше быть закопанной под толщей земли, чем терпеть все это*»; «*Меня хотел изнасиловать один мерзавец со своими дружками, и чтобы избежать этого унижения, я решила вскрыть вены, потому что на тот момент смерть была просто подарком судьбы для меня*» и т. п. Такой прием речевого воздействия А.Н. Баранов называет приемом концентрированного повторения информации. По его мнению, постоянное (концентрированное) повторение информации является эффективным для

манипуляции сознанием читателя, поскольку таким образом онтологизация знания читателем проходит наиболее успешно [10, с. 222].

У героини есть выбор, как поступить, и каждый раз в трудной ситуации свой выбор Глория делает в сторону смерти, например: *«У меня появился новый выбор: жизнь в тюрьме или же свобода. Я выбираю второе. Смерть – это свобода. Ее у меня уже никто не имеет права отобрать»* (свобода – это «1. Отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению, желанию; 2. Отсутствие запретов, ограничений; 3. Легкость, отсутствие затруднений» [41]). Слово «свобода» имеет положительную окраску, у главной героини «свобода» ассоциируется с отсутствием ограничений и принуждений. Говоря о том, что «смерть – это свобода», главная героиня дает положительную оценку самоубийству, как уходу от проблем и последствий своих необдуманных решений и действий. В конце произведения героиня понимает, что причины любить жизнь есть, но в качестве выхода из создавшегося положения все равно выбирает самоубийство. Хотя оно получает форму мнимого лишения себя жизни, однако путь, выбранный героиней, связан с осознанным уходом из прежней жизни.

В-пятых, решение уйти из жизни получает положительную оценочность не только у самой героини, но и у новых друзей Глории: *«Да уж... если я был девчонкой на твоём месте, я бы уже давно покончил жизнь самоубийством»*.

Таким образом, положительный образ смерти создан названием произведения, эпиграфом (ссылкой на авторитет), доверительной формой дневниковых записей героини, положительной оценкой самоубийства, которая дается как самой главной героиней, так и её друзьями, т. е. всё содержание текста построено как попытка решения проблем подростка путем приближения героини к суициду.

Вопрос 2. *Имеются ли в данном произведении высказывания, направленные на пропаганду идей суицида?*

В данном произведении содержатся высказывания, направленные на пропаганду идей суицида.

Согласно лингвистическим словарям русского языка под *пропагандой* понимается «распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения. Агитация и п. (Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, 1949-1992); «*Пропаганда* - распространение в обществе каких-либо идей, воззрений, знаний путем постоянного глубокого и детального их разъяснения (Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова, 2000).

Пропаганда самоубийства в данном тексте будет рассмотрена с позиций Роспотребнадзора, а именно критериев оценки информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства. «Пропагандой самоубийства считаются как предложение и просьба совершить суицид, так и указание на него как на выход из проблемы и другие схожие действия. Чтобы информацию отнесли к этой категории, она должна содержать инструкции по совершению суицида, описывать средства, места или результаты этих действий».

В данном тексте усматриваются признаки пропаганды самоубийства.

Во-первых, имеется указание на самоубийство как способ решения проблем. Героиня перечисляет свои проблемы: «*Из-за матери, которая теперь, по всей видимости, хочет стать другим человеком. Из-за отца, который абсолютно пассивен в этой жизни и лишь изредка интересуется нашей семьей. Из-за подруги, которая вроде бы и не совсем тупая, но делает такие поступки, что и пятилетний ребенок на ее месте так не поступил. Из-за Мэтта, который вроде бы и самоуверенный, но слабохарактерный. Они – мои основные причины для самоубийства*».

В ходе повествования количество причин для самоубийства у героини увеличивается. Например:

а) общение с молодыми людьми: «*Я не слышу его. Мы выходим в коридор, я иду за Ником не сопротивляясь. А к чему тут сопротивления? Я не*

хочу видеть Мэтта в луже крови, а то, что сейчас произойдет между мной и Ником послужит самой весомой причиной для моего самоубийства. Теперь-то я точно знаю, что мне не жаль расстаться с этой жизнью»;

б) общение с новой подругой и новыми друзьями: «Глория, прости меня, пожалуйста. Прости за то, что я тебе не поверила. Я такая дура! Ну, почему я такая наивная?! – Ребекка вся покраснела, ее глаза распухли, на коленках огромные царапины, из них нешуточно кровоточит. Чед отдал ей свой пиджак, но она все еще жмется и дрожит. Она напоминает мне меня. Когда я так же ненавидела себя за свою доверчивость к людям. Я доверилась Нику, Мэтту, Тезер, и что из этого получилось? Причин для самоубийства стало намного больше»;

в) недовольство собой: «Когда ты наконец понимаешь, насколько твоя жизнь дерьмо и насколько ты сам являешься дерьмом, тебе остается лишь побороть себя и решиться на самоубийство. Это и есть мой случай»; « – Ты не в праве решать мою судьбу. Я хотела, чтобы за эти пятьдесят дней я сто раз передумала о суициде, но теперь у меня появилось еще сто причин, чтобы свести счеты с жизнью»;

г) эгоизм, отсутствие желания понять и простить близких: «– А ты подумала о родителях, о друзьях? – Да. Много раз. У папы новая любовница, так что я для него обуза. Может, погрустит недельку, а потом снова заживет нормальной жизнью. Мама – больна. Она все мои шестнадцать лет твердила, как ненавидит меня и как жалеет, что не избавилась от меня в первый же день, когда узнала о своей беременности. Бабушка выходит замуж. Я за нее счастлива. Думаю, что хоть это поможет ей забыть обо мне. А друзья? У меня их почти нет. Лучшая подруга готова закопать меня заживо, а с Ребеккой мы знакомы всего ничего, она с этим справится. Больше никого и не осталось. Больше не для кого жить».

Мать главной героини также собиралась покончить жизнь самоубийством, в своем дневнике Глория написала, что теперь поводов для совершения самоубийства стало еще больше, а из-за ее кончины никто не

будет сильно расстраиваться. Кроме того, автор утверждает причинно-следственную связь суицидальных поступков, т. е. если мать главной героини хочет покончить жизнь самоубийством, то и главная героиня имеет на это право, поскольку это у них «семейное»: *«Начнем с того, что мне еще больше хочется себя убить, чем раньше. Мама пыталась покончить с собой, по моему, это у нас семейное, не так ли? На самом деле, это очень больно, когда ты понимаешь, что твой любимый человек на волоске от смерти. Но, благо, обо мне никто не будет так печалиться. Мама точно не будет. В ближайшее время она застряла в психушке. Папа – тем более, ему всегда было наплевать на меня».*

В приведенных фрагментах текста содержится указание на самоубийство как способ решения проблем героинь (неудачи, семейное неблагополучие, отсутствие личных отношений и другие).

Во-вторых, в тексте дается положительная оценка, одобрение совершению самоубийства; описываются действия, направленные на самоубийство, и намерения лица совершить самоубийство; а также содержится призыв к самоубийству, побуждение совершить самоубийство.

Как было уже показано, положительный образ смерти проходит через все произведение: название и эпиграф; дневниковые записи героини, которые создают эффект коммуникации Глории не только с собой, но и читателем, которому героиня доверяет свои сокровенные мысли о самоубийстве; рискованные поступки на грани жизни и смерти, которые сопровождаются осмыслением их под знаком смерти; в целом положительной оценкой самоубийства, которая дается как самой главной героиней, так и её друзьями. Таким образом, всё содержание текста построено как попытка решения проблем подростка путем приближения героини к суициду. Причем подчеркивается, что уход из жизни раньше положенного срока - даже лучшее решение проблемы: *«Действительно, чего я так боюсь, в любом случае, если я прыгну с обрыва и разобьюсь о воду, это будет не так ужасно. Подумаешь,*

совершу самоубийство раньше положенного срока. Хуже я этим себе точно не сделаю».

В-третьих, в тексте содержатся рассуждения о способах самоубийства, указывается на выбор наиболее безболезненного, надежного, доступного, эстетичного способа самоубийства. Например: *«если останусь здесь, то кабина сорвется, а до земли метров двадцать, если не меньше, такую смерть я не планировала».*

Героиня задумывается над вопросом: *«Мне осталось жить меньше месяца, а я еще даже не продумала способ моего самоубийства. Что это будет? Повешение? А может, напиться снотворного? Нет, меня так могут легко откачать. Нужно за оставшиеся дни как можно тщательнее продумать свою будущую смерть. Осталось 27 дней».*

Друг Глории дает следующий совет относительно способа ухода из жизни: *«Но есть один выход, Глория. Ты должна покончить с собой... Но не по-настоящему... Помнишь, как мы пытались инсценировать смерть... Тогда у нас ничего не получилось, но, может быть, теперь у тебя получится?... Умри, но останься жива».* В этом фрагменте автор дает подробное описание того, как следует совершить самоубийство, а также называет самоубийство единственно возможным способом решения проблемы.

Таким образом, в данном произведении содержатся высказывания, в которых усматривается пропаганда суицида, а именно, самоубийство понимается как единственный способ решения проблем, дается положительная оценка самоубийству, описывается способ совершения самоубийства.

Художественный текст обладает эмоционально-экспрессивными механизмами воздействия на читателя, способен вызывать эмоциональное сопереживание главной героине, а положительная оценка суициду, данная в тексте, может привести к эмоциональному «заражению» читателей.

Вопрос 3. *Содержатся ли в данном произведении призывы к совершению суицидальных действий и самобичеванию?*

Выражение призыва в тексте определено модальными словами: *пора* (пора принимать решение), *время* (время принимать решение), *должен*, *надо*, *нужно*, *давай*, *нельзя*, *необходимо* и т. д.; использованием глаголов *требуется*, *хватит*, *следует*; использованием существительных *долг*, *обязанность*, *цель*, *необходимость* и др. Например, в письме Алекса к главной героине Глории имеет место открыто выраженный призыв к совершению суицида: «*Ты должна покончить с собой*» (должен, т.е. «обязан» [Ефремова 2000]); «*теперь у тебя получится*»; «*умри...*». Данные конструкции являются прямыми призывами, побуждающими героиню к конкретному действию (самоубийству). Они образованы при помощи предикатива «*должна*», глагола изъявительного наклонения буд. вр. «*получится*» и глагола повелительного наклонения 2 л. ед.ч. «*умри*».

Мать главной героини выражает свое равнодушие к дочери через призыв к возможному убийству, используя побудительную конструкцию со словом «*пусть*»: «*Мне абсолютно все равно, что он с тобой делает, пусть хоть расчленяет*». Слово «*пусть*» в данном контексте имеет значение «уступительного допущения; соответствует по значению сл.: хотя бы даже, хоть и» [41].

В тексте содержится не только призыв к лишению жизни со стороны (мать, друг), на протяжении всего произведения героиня самоутверждается в мысли о самоубийстве: «*Когда ты, наконец, понимаешь, насколько твоя жизнь дерьмо и насколько ты сам являешься дерьмом, тебе остается лишь побороть себя и решиться на самоубийство*». Самопризыв выражен конструкцией «*решиться на самоубийство*» (Решиться, т.е. «избрать какой-н. способ действия после обдумывания, сомнений, колебаний, отважиться на что-н.» [70]).

В тексте представлены примеры самобичевания как средства, которые служат поводом в утверждении мысли о самоубийстве. Самобичевание трактуется не только как причинение себе каких-либо физических увечий и повреждений, но также и нравственных страданий, обвинение самого себя

вследствие раскаяния в совершенной ошибке, осознания своей вины. Главная героиня часто наделяет себя нелестными определениями (идиотка, дура), например, *«Тез... и ты тоже прости меня, – мой голос дрожит, – я такая идиотка, из-за меня разводятся твои родители»* (слово «идиотка» представлено в значении «глупый человек, тупица, дурак (разг. бран.)» [70]); *«Господи, ну зачем, зачем я это у него спросила, во-первых, что мне это даст, а во-вторых, НУ ПОЧЕМУ Я ТАКАЯ БЕЗРАССУДНАЯ ДУРА, СНАЧАЛА ГОВОРЮ, ПОТОМ ДУМАЮ?!»* (дура – «глупый человек (очень глупый; разг.)» [70] и т.п.

Неуравновешенное состояние героини определено не только проблемами с родными и друзьями, а также с попытками вступить в самостоятельную жизнь, которая, по мнению героини, связана с распитием спиртных напитков, употреблением наркотиков, вступлением в половые отношения, совершением незаконных действий. Такие действия сопровождаются эмоциональным раскаянием и самоуничижением: *«Я ненавижу себя за свою слабость. Мать Ребекки права, я действительно убийца. Я сама потянула за собой Беккс. А теперь ее нет. Ребекка, моя милая Ребекка, прости меня. Прости за то, что я с тобой сотворила. Я готова заживо зарыть себя в землю, лишь бы искупить свою вину перед тобой»* и т.п.

Вопрос 4. *Содержатся ли в данном произведении советы, указания или предложения по совершению суицидальных действий и самоубийств?*

В данном тексте содержатся советы по совершению суицида.

Советами являются не только наставления, указания, которые даются какому-либо лицу с целью направить его на более подходящий (разумный, нужный, соответствующий и т.д.) путь, с точки зрения говорящего или пишущего. Следует отметить, что совет является субъективным мнением адресанта. Например, друг главной героини дает ей совет-пожелание, используя условную конструкцию «если бы..., то...»: *«Да уж... если я был девчонкой на твоём месте, я бы уже давно покончил жизнь самоубийством, – мне захотелось смеяться на этом моменте и сказать «а я как раз это и*

собираюсь сделать через 19 дней», – но ты встретила нас, и твоя жизнь кардинально изменится, я тебе обещаю».

Также, в конце книги в письме друг Глории просит ее инсценировать самоубийство, чтобы избежать наказания и спастись от тюрьмы. В письме персонаж дает героине четкие указания, как это надо сделать.

Кроме того, Глория дает сама себе советы. Например, в моменты хорошего расположения духа и счастья героиня задумывается о том, что суицида можно не совершать, но навязчивая идея владеет ею и она сама себе дает установку на самоубийство (если решилась..., то доведу это дело до конца): *«Ровно через сорок дней я умру. Самой даже не верится. В те моменты, когда мне хорошо, я начинаю жалеть о том, что я решила сделать. Ведь, быть может, все еще наладится, и это всего лишь небольшая черная полоска в моей жизни, у кого такого не бывает. Ну нет, если я решилась на это, значит, я доведу это дело до конца. А сейчас нужно просто не подавать виду, что я будущая самоубийца».* Формы глаголов в будущем времени указывают на перспективу развития действий, при всех сомнениях героиня продолжает настраивать себя на будущее самоубийство.

Лингвистический анализ текста показал, что в семантическое поле «самоубийство, как выход из того, что жизнь не удалась» включены лексемы, репрезентирующие причину суицида: *родители, развод, равнодушные близких, друзья, семейный опыт суицида, совет друга, некрасивая внешность, нет парня, меня никто не любит* и др. Отмечены внутренние психологические проблемы подростка, внешние условия проживания в семье, дружеское окружение, личная устремленность к решению проблем провокационным способом (самоубийство), который оказывается единственно возможным.

Выводы лингвиста-эксперта: 1. В данном произведении содержатся высказывания, в которых дается положительная оценка суицидальных действий. 2. В данном произведении имеются высказывания, которые направлены на пропаганду идей суицида. 3. В данном произведении содержатся призывы к совершению суицидальных действий и

самоубиванию. В данном произведении содержатся советы, указания или предложения по совершению суицидальных действий и самоубийств.

Выводы по третьей главе

Изучение особенностей лингвистической экспертизы спорных текстов в рамках расследования преступления, связанного с доведением до самоубийства, показало, что при всей глубине разработанности проблемы суицида несовершеннолетних, имеют место сложные вопросы. Эти вопросы относятся к художественным текстам, которые бытуют на различных сайтах интернета.

Обзор научного осмысления проблемы подросткового суицида показал, что основная задача интернет-сообществ суицидальной направленности заключается в том, чтобы привлечь внимание подростков к жизненной установке «Моя жизнь плохая», ее можно решить, лишив себя жизни.

Обзор различных типов экспертиз и методик проведения экспертиз показал, что в научных источниках отсутствует типовая методика лингвистической экспертизы художественных текстов суицидального характера.

В настоящей работе предложены методологические основания лингвистической экспертизы художественных текстов суицидального характера, определена теоретическая и практическая база исследования, необходимая справочная литература, которую эксперт может выбрать в зависимости от анализируемого материала.

В рамках следственного дела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области была проведена экспертиза спорного текста (Стейс Крамер «50 дней до моего самоубийства»). Хотя текст отнесен к художественному по своему замыслу и жанру, он был рассмотрен в рамках спорного текста, так как находился на первом месте в рейтинге текстов, отмеченных в группах социальной сети, развивающих суицидальную тему.

Заключение

Идея добровольного ухода из жизни имеет длительную историю отражения в художественной литературе, хорошо известны произведения русской классики (А.Н. Островский «Гроза», А.И. Куприн «Гранатовый браслет», Л.Н. Толстой «Анна Каренина», И.А. Бунин «Митина любовь», «Кавказ», М.А. Булгаков «Морфий», Ф.М. Достоевский «Бесы», А.П. Чехов «Чайка» и др.), в которых персонажи осмысливают трагизм собственного положения и принимают решение расстаться с жизнью.

Внимательно изучая все случаи суицида, Ф.М. Достоевский писал: «Опять новая жертва и опять судебная медицина решила, что это сумасшедший! Никак ведь они (то есть медики) не могут догадаться, что человек способен решиться на самоубийство и в здравом рассудке от каких-нибудь неудач, просто с отчаяния, а в наше время и от прямолинейности взгляда на жизнь. Тут реализм причиной, а не сумасшествие» [78].

Русская литературная и философская мысль, осмыслив идею смерти в российском менталитете (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н. Бердяев, А. Смирнов, И.П. Красненкова и др.) и объяснив причины самоубийства, обозначила её провокационный и заразительный для общества характер, особенно отраженный в художественном слове.

В провокационных текстах развивается не просто идея суицида как единственно возможного варианта для психологически и социально незрелой личности, эгоцентричной, не готовой самостоятельно выйти за пределы собственного «я», сбегаящей от жизненных трудностей и совершающей поступок самоубийства.

Опасность актуализации суицида в литературе и спорных текстах для детей состоит в том, что насаждается романтизация добровольного ухода из жизни. Например, в интернет-сообществах, объединивших подростков под идеей псевдоромантизации суицида, большим вниманием пользовалась книга Стейс Крамер «50 дней до моего самоубийства» [57]. Лингвистический анализ

выявил признаки, по которым это произведение, не являясь спасительным для души, было отнесено к «бессердечной литературе».

Известно, что заглавие в тексте занимает сильную позицию в тексте, оно выражает видение проблемной ситуации. Можно сравнить с названиями («50 дней до моего самоубийства», Стейс Крамер; «Вероника решает умереть», Паоло Коэльо; «Девственницы-самоубийцы», Джеффри Евгенидис; «Сказка о самоубийстве», А. Полярного; «Научи меня умирать», Мацуо Монро и др.), которые не просто несут первичную информацию о содержании текста, прогнозируют восприятие текста и привлекают внимание подростка к проблеме; такие названия содержат утверждение идеи в виде императива «научи...», глаголы настоящего времени «решает...» получают значение настоящего вневременного действия, номинативные предложения, не имея универсального значения, начинают претендовать на некую непреложную истину.

Надпись актуализирует смысловую доминанту текста, отражает всю стилистическую и эмоциональную тональность текста; утверждает мысль о самоубийстве; напоминает о способе решения проблем; романтизирует уход из жизни; предлагает только один вариант решения проблемы, как самый лучший – лишения себя жизни; имеют место рассуждения о способах самоубийства, указывается на выбор наиболее безболезненного, надежного, доступного и эстетичного способа самоубийства; имеет место и выражение призыва в тексте: пора (пора принимать решение), время (время принимать решение), должен, надо, нужно, давай, нельзя, необходимо и т.д.; для этого используются глаголы (требуется, хватит, следует и др.) и существительных (долг, обязанность, цель, необходимость и др.); суициду дается только положительная оценка.

В диссертации разработана методологическая база лингвистической экспертизы текстов суицидального характера.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агамиров К. В. Пропаганда самоубийства как новый состав преступления в российском уголовном законодательстве // Знание. 2017. № 1-2 (41). С. 107-109.
2. Аллен Л. «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы исследования. Т. 15. СПб. : Наука, 2000. С. 228-237.
3. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М. : Просвещение, 1966. 302 с.
4. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М. : Высш. шк., 1991. 140 с.
5. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб. : СПб ун-т, 1999. 444 с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
8. Ахундова И. Р. «... Все это, быть может, было вовсе не сон»: «Смерть» Смешного человека // Достоевский и мировая культура. Альманах № 9. М. : Классика плюс, 1997. С. 186-206.
9. Ашимбаева Н. Т. Сердце в произведениях Достоевского и библейская антропология // Достоевский в конце XX века : Сб. статей. М. : Классика плюс, 1996. 621 с.
10. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : Теория и практика. М. : Флинта: Наука, 2007. 592 с.
11. Басинский Павел. «Как сердцу высказать себя?» О русской прозе 90-х годов // Новый мир. №4. 2000. С. 68-71.
12. Белошапкова В. А. Современный русский язык. М. : Азбуковник, 1997. 928 с.

13. Белявская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова). М., 1992. 401 с.
14. Беляевская Е. Г. Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике. М. : Вестник МГЛУ, 2014. С. 9-21.
15. Бердяев Н. А. О самоубийстве. Париж : YMCA Press, 1931. 46 с.
16. Бодалев А. А. Психология общения. Энциклопедический словарь / Под. общей ред. А.А. Бодалева. М. : Когито-Центр, 2011. 962 с.
17. Будагов Р. А. Слово и его значение. М. : Добросвет-2000, 2003. 64 с.
18. Буланов А. М. Святоотеческая традиция понимания «сердца» в творчестве Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. СПб. : Наука, 1994. С. 270-306.
19. Булычев Е. Н., Ситдикова А. Ф. О необходимости установления уголовной ответственности за пропаганду и популяризацию суицида среди несовершеннолетних // Экономика. Право. Менеджмент : современные проблемы и тенденции развития. 2016. № 11. С. 21-28.
20. Бунин И.А. Митина любовь. Сборник. М. : АСТ: Русская классика, 2013. 476 с.
21. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М. : Бартолиус: Статут, 2016. 380 с.
22. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография : Избр. труды. М. : Наука, 1977. 312 с.
23. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М. : Наука, 1984. 184 с.
24. Вихлянцев В.П. Библейский Словарь к русской канонической библии Синодального перевода 1816-76 гг. М. : Коптево, 1998. 495 с.
25. Владимирцев В.П. Мотив «горячее-горячее сердце» у Ф.М. Достоевского : в срезях ист. поэтики, культурологии и этнографии // Проблемы исторической поэтики : сб. науч. тр. Петрозаводск, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 137-144.

26. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собрание сочинений : в 6 т. Т. I. М.: Педагогика, 1982. С. 5-242.
27. Гак В.Г. Язык и действительность: сборник трудов памяти В.Г. Гака. М. : URSS, 2007. 633 с.
28. Говорин Н. В., Сахаров А. В. Суицидальное поведение: типология и факторная обусловленность. Чита : Изд-во «Иван Федоров», 2008. 178 с.
29. Гроллман Э. Суицид превенция, интервенция, поственция. М. : Когито-Центр, 2001. 151 с.
30. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: ГИС, 1955. 684 с.
31. Дендоуми Н.Ю., Денисов Ю.П. Распространение «суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного Интернета как проблема мультидисциплинарных исследований // Суицидология. 2014. N 2(15). С. 47-54.
32. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.В. Дмитриева. М. : Издательство Астрель, 2003. 1582 с.
33. Достоевский Ф.М. Бесы. М. : АСТ: ЛЮКС, 2005. 603 с.
34. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Л. : Наука, 1994. 420 с.
35. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 25 : Дневник писателя за 1877 год. Январь – август. Л. : Наука, 1983. 470 с.
36. Достоевский Ф. М. Идиот. М. : Эксмо, 2003. 640 с.
37. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома; Рассказы. М. : Сов. Россия, 1983. 416 с.
38. Дюркгейм Э. Самоубийство : социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.
39. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. Т III. М. : Рус. яз., 1999. 752 с.
40. Ефремов В.С. Самоубийство в художественном мире Достоевского. СПб. : Диалект, 2008. 584 с.

41. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html> (дата обращения 02.05.2021).

42. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.

43. Жестеров П.В. Криминологические меры предупреждения преступлений против несовершеннолетних : проблемы реализации в России // Вестн. С.-Петерб. юрид. акад. 2017. № 1 (34). С. 101-104.

44. Зенина М.Г. Лекция : «Особенности противодействия преступлениям, связанных с доведением до самоубийства несовершеннолетних с использованием современных информационно-коммуникационных технологий». Брянск, 2018. URL: https://мвд.рф/upload/site152/folder_page/013/971/704/Lektsiya_p._2.3_Osobennosti_svyazannye_s_dovedeniem_do_samoubiystva.pdf (дата обращения 02.05.2021).

45. Зорина Е.А., Агеева Л.Г. Роль социальных сетей в детских и подростковых суицидах нашего времени // Новая наука : теоретический и практический взгляд. 2017. Том 2. № 3. С. 17-21.

46. Ибраев Л.И. Надзнаковость языка // Вопросы языкознания. 1981. С. 17- 35.

47. Исаева Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте. Краснодар, 1996. 310 с.

48. Каблуков В.В. Концепт «самоубийство» в русской литературе 1920-1930-х годов // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. №5. Филология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_suicide/ (дата обращения 02.05.2021).

49. Камю А. Творчество и свобода. Сборник. Пер. с франц. / Составление и предисловие К. Долгова. Комментарий С. Зенкина. М. : Радуга, 1990. 608 с.

50. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
51. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; под. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1985. 430 с.
52. Касаткина Т. Краткая полная история человечества («Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 1. Ч. 1. СПб. : Изд. Общества Достоевского, 1993. С. 48-68.
53. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л. : Наука, 1986. 297 с.
54. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
55. Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни / Под. ред. А.М. Винавера. М. : Право и жизнь, 1923. 26 с.
56. Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 томах. Т.4. Правовые воззрения А.Ф. Кони. М. : Юридическая литература, 1967. 528 с.
57. Крамер С. 50 дней до моего самоубийства. URL: <https://knigism.net/view/72075> (дата обращения 15 апреля 2018).
58. Краснова К.А., Ережипалиев Д.И. Противодействие кибербуллице как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // ЮП. 2017. №3 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-kiberbullitsidu-kak-sredstvopreduprezhdeniya-suitsidov-nesovershennoletnih> (дата обращения 04.06.2018).
59. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 301 с.
60. Лесевицкий А.В. Исследование сущности «экзистенциального вакуума» в произведениях Достоевского и философии экзистенциалистов // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12. Ч. 2. URL: <http://human.snauka.ru/2014/12/7857> (дата обращения 02.05.2021).

61. Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда. СПб. : Азбука, 2016. 571 с.
62. Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 417-430.
63. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. н. СПб., 1999. 300 с.
64. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов : Феникс, 2010. 562 с.
65. Ментюкова М.А., Дубровина М.М. Эволюция уголовной ответственности за доведение до самоубийства с использованием сети «Интернет» // Вопросы современной науки и практики. 2013. № 44. С. 81-86.
66. Мороз М.А. Пропаганда суицида в социальной сети как прагмалингвистический феномен // VII Международная научно-практическая Интернет-конференция «Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия», 2017. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw7> (дата обращения 02.05.2021).
67. Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 176 с.
68. Наседкин Н.Н. Самоубийство Достоевского : Тема суицида в жизни и творчестве писателя. М. : Алгоритм, 2002. 446 с.
69. Новикова Л.С. К вопросу об именах существительных с суффиксами эмоциональной оценки. Тюмень : Изд-во Тюменского пед. ин-а, 1968. 257 с.
70. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1994. 907 с.
71. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М. : Оникс, 2010. 736 с.
72. Островский А.Н. Гроза. СПб. : Лениздат, 2014. 348 с.

73. Пальчик Н.Б., Юрков Д.В. и др. Подростковый суицид : методические рекомендации. Красноярск, 2019. 32 с.

74. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М. : Медея, 2004. 104 с.

75. Пантюхина Г.А. К проблеме расследования уголовных дел, связанных с суицидальными действиями несовершеннолетних с использованием социальных сетей // ИСОМ. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/> (дата обращения: 04.06.2018).

76. Паперно И.Б. Самоубийство как культурный институт. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.

77. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке. // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М. : Наука, 1989. С. 54-82.

78. Рак В.Д. Русская виртуальная библиотека. Комментарии : Ф. М. Достоевский. «Дневник писателя». 1876 год, октябрь, глава первая // III. Российский гуманитарный научный фонд. URL:<http://rvb.ru/dostoevski/02comm/206.htm> (дата обращения 02.05.2021).

79. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования : Русское производное имя. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.

80. Рекомендации по распространению в СМИ информации о случаях самоубийства // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. М., 2016. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=673 (дата обращения 02.05.2021).

81. Россинская Е.Р. Галяшина Е.И. Настольная книга судьи : судебная экспертиза. М. : Проспект, 2010. 464 с.

82. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. М. : Норма, 2009. 384 с.

83. Сапрыкина Д.А. Функционирование диминутивов в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (в зеркале англоязычных переводов текстов). М. : МАКС Пресс, 2017. С. 128-140.
84. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию // Сенека и др. Если хочешь быть свободным. М. : Политиздат, 1992. 379 с.
85. Сидорова Л.Н. Методология лингвистических исследований: психолингвистическое экспериментирование. М. : Спутник+, 2009. 83 с.
86. Склеинис Г.А. Нравственные и психологические истоки феномена самоубийства в понимании Ф.М. Достоевского // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток, 2007. С. 59-68.
87. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М.: СУДЕКС, 2009. 119 с.
88. Соболева Я.Ю. Назначение судебных экспертиз при расследовании суицидов // Вестник науки и образования. № 8(44). 2018. С. 68-71.
89. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; Примеч. С.Л. Кравца и др. М. : Мысль, 1988. 822 с.
90. Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов). М. : Мысль, 1998. С. 3-139.
91. Солодилова И.А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла. Оренбург : ГОУОГУ, 2004. 153 с.
92. Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. Рига : Наука и жизнь, 1913. 48 с.
93. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М. : Наука, 1975. 313 с.
94. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль : Истоки, 2003. 34 с.
95. Стернин И.А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник Кемеровского государственного университета, 2017. С. 202-207.

96. Стернин И.А. Основы лингвокриминалистики. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. 304 с.
97. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж : Истоки, 2011. 150 с.
98. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке: дис. ... д-ра филол. н. М. : Наука, 1981. 272 с.
99. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы / Под ред. В.Ф. Статкуса : Методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 2009. 80 с.
100. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т 19. Анна Каренина. Части 5-8. М. : Художественная литература, 1935. 518 с.
101. Ужанков А.Н. «Мысленная брань» в повести «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина // Русский язык за рубежом. № 2. 2017. С. 51-56.
102. Усачева О.Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации / О.Ю. Усачева. М. : Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2009. № 3. С. 55-65.
103. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М. : Наука, 1968. 272 с.
104. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. М. : Аделант, 2013. 800 с.
105. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 3 М. : Прогресс, 1987. 832с.
106. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М. : Наука, 1982. 336 с.
107. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб. : Норинт, 2004. 762 с.
108. Чехов А.П. Чайка. СПб. : Азбука, 2015. 379 с.
109. Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. М. : Нов. лит. обоз., 1999. 576 с.

110. Шатин Ю.В. Концепт сердце и его художественная деконструкция в русской поэзии XX века // Критика и семиотика. Вып. 15. Новосибирск : ИФЛ СО РАН, 2011. С. 189-196.
111. Шелехов И.Л. Суицидология: учебное пособие. Томск : Сибирский государственный медицинский университет, 2011. 203 с.
112. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира : Материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
113. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. М. : Просвещение, 1977. 355 с.
114. Энциклопедия права. URL: <http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/laws/index.htm> (дата обращения 10.05.2021).
115. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
116. Beachler J. Suicides. New York: Basic Books, 1979. 474 p.
117. Bille-Brahe U. Suicidal behaviour in Europe. Geneva:WHO, 1998. 31 p.
118. Brostrom S. The Role of Metaphor in Cognitive Semantics. Lund : Lund University, 1994. 38 p.
119. Givon T. Context as Other Minds : The Pragmatics of Sociality. Amsterdam : Benjamins, 2005. 283 p.
120. Levin K. Resolving social conflicts. Washington DS : American Psychological Association, 1997. 422 p.